

63.3 (2...)

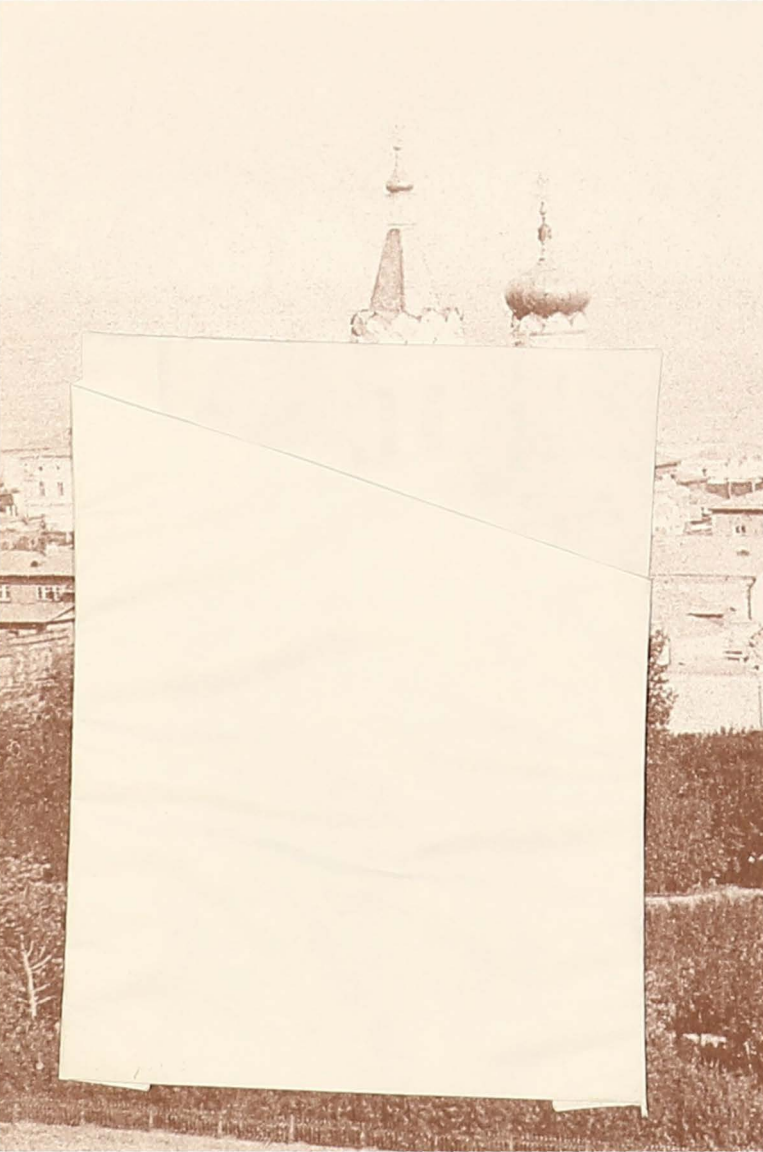
Т 76

Морес Трофимов

ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

*Сибирский памятник
Н. М. Карамзину*

Посвящаю
дочери Валерии и внуку Дмитрию
ТРОФИМОВЫМ

63.3(2м)
Т 76

Жорес Трофимов

**СИМБИРСКИЙ
ПАМЯТНИК
Н.М. КАРАМЗИНУ**

Известное и неизвестное

Краеведению
от друзей родины
г. Ижевск, область
Ижевск. Ижевск
и В.Ч. Ижевск.
с. Седьмоярское
«Ульяновский Дом печати»
2006

12.12.2006

ББК 63.3(2)л6

Т 76

*Автор благодарит Ульяновский филиал
ОАО «ВолгаТелеком» за участие
в финансировании издания этой книги.*

*Автор выражает благодарность Генеральному
директору ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
Ю.Е. Вихалевскому за помощь, оказанную
в издании книги*

Трофимов Ж.А.

Т 76 Симбирский памятник Н.М. Карамзину. Известное и неизвестное. — «Ульяновский Дом печати», 2006 г. — 128 с.: илл.

ISBN 5-901141-79-2

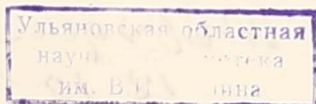
Первое издание этой книги вышло в 1992 году в московском Издательском Центре «Россия молодая» тиражом в 15 тысяч экземпляров. Настоящее издание значительно дополнено за счет выявленных автором в петербургских архивах в последние полтора десятилетия новых документов и материалов о замечательном памятнике историографу государства Российского — выдающемся творении академика С.И. Гальберга и его учеников. Новая книга выгодно отличается и большим числом иллюстраций, и высоким полиграфическим оформлением. Она поможет широкому читателю познакомиться с интересными подробностями из культурной жизни Симбирска 1830-1840-х годов.

8964701

ББК 63.3(2)л6

ISBN 5-901141-79-2

© Ж.А. Трофимов, 2006
© Оформление. «Ульяновский
Дом печати», 2006

ОТ АВТОРА

Столетье протекло!.. Безмолвен знаменитый
Наш русский Златоуст, обворожавший слух!
Но вещий глас его, творенья – не забыты:
В них слово искренно, в них слышен Русский дух!
Народной славе он сочувствовал сердечно,
И вознесет его прославленный народ,
И будет имя жить его в России вечно,
Доколь в сердцах любовь к Отечеству живет!

Д. Ознобишин¹

Минуло полтора ста с лишним лет с того знаменательного для Симбирска дня – 23 августа (4 сентября) 1845 года, как в самом престижном месте центра города, близ живописного Венца, в торжественной обстановке был открыт изготовленный в Петербурге необыкновенно изящный и вместе с тем внушительный памятник нашему выдающемуся земляку Николаю Михайловичу Карамзину. Тогда же горожане впервые услышали чеканные оды поэтов-симбирян Н.М. Языкова и Д.П. Ознобишина, посвященные столь достойному увековечению имени автора «Истории государства Российского».

Море воды протекло с той поры вдоль берегов матушки-Волги. Разительные перемены произошли в городе, в том числе и в историческом его центре. Так, из бывшего архитектурного окруже-

¹ Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. С-к, 1867, с. 148-150.

ния памятника исчезла в 1930-х годах изящная Никольская церковь – современница детства Карамзина, а в 1960-х чуть ли не в пожарном порядке был снесен бывший губернаторский дворец (именовавшийся с 1917 года «Домом Свободы»), а также уничтожены останки старинного Спасского женского монастыря.

Несмотря на эти потери, у Карамзинского сквера стоят еще весьма почтенного возраста исторические здания. Это бывшая классическая гимназия с развернутым в ее классах и актовом зале мемориальным музеем, посвященным учению здесь Владимира Ульянова, бывший дом Дворянского собрания (ныне областная научная библиотека им. В.И. Ленина), в левом крыле первого этажа которого открыт мемориальный музей «Карамзинская общественная библиотека», а также Дом городского общества (ныне музыкального училища).

В целом же этот заповедный уголок, расположенный на месте рубленого Кремля середины XVII века, вместе с бульваром Новый Венец, с которого открываются великолепная панорама огромного водохранилища и заволжские дали, выглядит как самая привлекательная частица старого Симбирска. Сюда устремляются почти все экскурсанты и гости нашего города. Манит к себе Карамзинский сквер фотографов, художников, поэтов, да и каждого, кто имеет возможность побывать здесь хотя бы мимоходом. А сколько горожан, отдыхая на скамейках вокруг памятника историографу, размышляло о днях минувших, мечтало о будущем.

Однако аллегорический характер, который придавали памятнику статуя музы истории Клио, установленная на вершине пьедестала, а также два барельефа с полуобнаженными фигурами в римских одеждах, вызывал недоумение у простого народа, да и у некоторых лиц из образованного общества. Обывательские пересуды симбирян о Клио легли в основу юмористического рассказа актера и писателя В.Н. Андреева-Бурлака «На городской площади»². Эта муза стала героиней фельетонной «Губернской поэмы» поэта Д.Н. Садовникова³.

К 100-летию со дня рождения Н.М. Карамзина, широко отмечавшемуся в Симбирске 1 декабря 1866 года, в печати появилась первая историческая «Записка» о памятнике историографу. Однако, по признанию автора, «за истреблением во время пожара в Симбирске 19 августа 1864 года всех документов, относящихся к открытию памятника Карамзину», главным источником для «Записки» стали впечатления академика М.П. Погодина, выступавшего на открытии памятника со своим «Похвальным словом Карамзину». Когда же дело касалось предыстории создания памятника, то в «Записке» она освещалась в основном по слухам и предположениям. Даже спустя столетие в краеведческой литературе не сложилось единого мнения и по таким принци-

² Трофимов Ж. В.Н. Андреев-Бурлак: память и наследие. У-к, 1995, с. 137-142.

³ Волжский вестник (С-к), 1879, №№ 23 и 25.

пиальным вопросам: кто же все-таки был инициатором создания памятника Карамзину, каким образом первоначально мыслилось увековечение памяти историографа государства Российского, при каких обстоятельствах проект скульптора-профессора С.И. Гальберга был одобрен правительством и претворен в жизнь⁴. Ответы на эти и другие вопросы я постарался дать в брошюре «Симбирский памятник Н.М. Карамзину», вышедшей в 1992 году в московском Издательском Центре «Россия молодая». В последующие годы я продолжал выявление документов и материалов о карамзинском памятнике и его создателях. По результатам поисков и находок в «Ульяновской правде» были опубликованы очерки: «Воплощая замысел профессора Гальберга» (о его учениках-скульпторах Н. Рамазанове, К. Климченко, П. Ставассере и А. Иванове), «О памятнике Н.М. Карамзину (некоторые новые материалы)», расширяющие представления о том, как и когда именно создавался монумент, как происходила его транспортировка и установка и т.п. Моя коллекция пополнилась новыми изобразительными материалами.

Таковы некоторые обстоятельства, которые предопределили необходимость нового издания книги «Симбирский памятник Н.М. Карамзину. Известное и неизвестное». Думается, что читателей заинтересует и подборка стихотворений Н.М. Языкова и Д.П. Ознобишина, посвященных памятнику замечательному нашему земляку.

⁴ См.: Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. С-к, 1898, с. 80-83; Блохинцев А.Н. «И жизни след оставили своей...». Саратов, 1985, с. 104-112.

Глава 1

«ЖЕЛАЯ ОЗНАМЕНОВАТЬ И УВЕКОВЕЧИТЬ...»

По сложившейся в России традиции памятники ставились только царствующим особам и прославленным военачальникам. Так что намерение симбирян соорудить памятник Карамзину было из ряда вон выходящим событием, как, впрочем, и для казанских деятелей, которые в это же время оживленно обсуждали вопрос о сооружении в городе памятника Г.Р. Державину. И никто из поклонников таланта своих знаменитых сограждан, очевидно, не предполагал, что прохождение ходатайств такого рода по инстанциям займет чуть ли не полтора десятилетия, а решающее слово будет за самим самодержцем Всероссийским.

Это неведение просматривается по письмам нашего земляка — поэта Николая Михайловича Языкова, первым развернувшего агитацию за сбор средств в обеих столицах на увековечение памяти своего знаменитого тезки.

«До вас, конечно, дошел слух о сооружении памятника бессмертному Карамзину, — писал он из села Языкова, 25 апреля 1833 года в Москву академику М.П. Погодину. — Здесь произошло чрезвычайное кипение умов дворянских по сему случаю. Приношения — далеко превосходят ожидания всех знающих малопросвещенность стран Приволжских, Азии порубежных. Как идет это дело в Москве? Нельзя ли вам, крепкий стратиг

русской истории, – возжечь особенное соревнование между доблими (доблестными. – *Ж.Т.*) юношами, вам подведомственными, и силою вашего слова действовать на публику»¹.

В письме к приятелю В.Д. Комовскому, вращавшемуся в высших кругах чиновничьего Петербурга, Николай Языков привел подробности «кипения умов» симбирских дворян: «здесь уже собрана довольно значительная сумма (в первые два дня более 6 тысяч), образован комитет – и дело идет живо... Здешние желают, чтоб оный памятник состоял из здания, в коем поместились бы статуя историографа и публичная библиотека для чтения – обо всем этом губернатором будет представлено к министру внутренних дел, а вы потопрапливайте и своего (начальника главного управления цензуры. – *Ж.Т.*) – он теперь в духе».

Да, губернатор А.М. Загряжский поддержал эту идею, но кто-кто, а он-то ведал, что для того чтобы придать делу «законный» ход, к нему должно поступить соответствующее письменное отношение. Такая «бумага» была составлена и подписана симбирскими дворянами: «Желая ознаменовать и увековечить высокое уважение к памяти уроженца Симбирской губернии великого бытописателя Николая Михайловича Карамзина, творениями своими имевшего столь решительное, прочное и благодетельное влияние на просвещение любезного Отечества нашего, вознамерились мы воздвигнуть ему в городе Симбирске памятник, почему обращаемся к Вашему превосходи-

¹ Языков Н.М. Свободомыслящая лира. М., 1988, с. 224-225.

тельству с покорнейшею просьбою исходатайствовать Высочайшее соизволение на открытие подписки для составления денежной суммы, потребной для выполнения сей священной цели, нами предложенной»².

По сохранившимся в архивах документам нельзя однозначно сказать, кто именно первым подал мысль о необходимости сооружения памятника Карамзину в Симбирске, но все говорит за то, что застрельщиками безусловно явились генерал-майор Петр Никифорович Ивашев (сподвижник Суворова, герой Отечественной войны 1812 года, отец декабриста), трое братьев Языковых, состоящих, кстати, в родстве с Ивашевым (Петр Михайлович был женат на сестре декабриста), а также их ближайшие знакомые князь Ю.С. Хованский, тоже зять П.Н. Ивашева, отставные штаб-ротмистр П.А. Бестужев и капитан-лейтенант А.Д. Валуев — зятья Языковых. В пользу приоритета в этом деле Ивашева и Языковых говорит и тот факт, что П.Н. Ивашев, Александр, а потом и Петр Языковы были избраны членами комитета по сбору средств на памятник Карамзину.

Эти лица были и главными жертвователями: П.Н. Ивашев дал 300 рублей, его зять Ю. Хованский — 500, братья Языковы — 1250. Сделали взносы П. Бестужев (220 руб.) и А. Валуев (50 руб.). Из других dobroхотов выделились: дальний родственник Ивашевых Г.М. Толстой (105 руб.), штаб-ротмистр П. Бабкин и поручик Д. Бенарда-

² Литературное наследство. Т. 19-20. М., 1935, с. 100-101.

ки (по 500 руб.), действительный студент П. Мотовилов (400 руб.), бывший адъютант Суворова, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова А.А. Столыпин (300 руб.), историк и писатель А.И. Тургенев (300 руб.), майор И.С. Аржевитинов (125 руб.), дальние родственники семьи Карамзиных П. Пазухин и А. Татаринов (по 200 руб.), капитан-лейтенант Г. Нейков (тоже 200 руб.). Взносы других именитых симбирян – Киндяковых, Соковниных, Анненковых, Юрловых – были меньших, но тоже существенных размеров³.

13 июня 1833 года губернатор А.М. Загряжский переслал прошение 38 симбирских дворян министру внутренних дел графу Д.Н. Блудову, а тот доложил суть поступившего прошения царю, добавив при этом о необходимости открытия общеимперской подписки по сбору средств на памятник Карамзину, а в столичной Академии художеств – специального конкурса, подобно тому, какой проводился недавно по созданию державинского памятника в Казани. Получив согласие Николая I, Блудов 6 июля предложил губернатору Загряжскому создать в Симбирске дворянский комитет, на имя которого и будут стекаться пожертвования.

Циркулярное извещение о подписке было тут же разослано всем губернаторам и наместникам России⁴. Поразительно, что уже 20 июля в Министерство внутренних дел поступило крупное пожертвование из далекой от Волги Бессарабии:

³ Фонды Ульяновского краеведческого музея им. И.А. Гончарова, № 8071.

⁴ РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 77.

тамошний помещик Плассиано пожертвовал «20 голландских червонцев на сооружение памятника Карамзину в Симбирске». В числе первых крупных благотворителей оказались корнет А.И. Яковлев, выславший 2000 рублей, и штаб-ротмистр граф Шереметев – 1000 рублей⁵. Широкая же общественность узнала о пожертвованиях из заметки, появившейся 21 июля в «Северной пчеле», об обеде, данном группой литераторов в честь поэта и баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, земляка и друга Н.М. Карамзина. Дмитриев, министры Д.Н. Блудов, А.С. Норов и С.С. Уваров пожертвовали по 500 рублей, племянник историографа сенатор С.С. Кушников – 1000, саксонский посланник и писатель К.-А. Люцереде, графы П.И. Кутайсов, Матвей и Михаил Юрьевичи Виельгорские – по 300, князь П.А. Вяземский и А.В. Веневитинов – по 100, граф Д.И. Хвостов – 50, А.С. Пушкин, И.А. Крылов, П.А. Плетнев, Д.А. Давыдов – по 25 рублей. Всего же, по сообщению газеты, участники обеда подписались на 4523 рубля.

С середины августа 1833 года сбор пожертвований на сооружение памятника Карамзину начался в Симбирске и других местах страны. П.Н. Ивашев, сообщая об этом 19 августа сыну-декабристу в Сибирь, пояснил, как он и его близкие мыслят этот памятник: «Мы согласились всеподданнейше просить через министра строить дом для помещения библиотеки всех полезных изданий на русском языке для общественной

⁵ Там же, д. 52, л. 13.

пользы, а в главном зале поместить мраморный бюст на пьедестале, заключающем все его творения. Такой памятник более и полезнее других будет существовать и послужит украшением города, общей занимательностью и для постороннего лица»⁶.

Симбирские дворяне на своем съезде, прошедшем в августе месяце, избрали под председательством губернатора Загряжского комитет для «первоначальных... распоряжений и приема сумм» и обсудили вопрос о месте, где должна быть воздвигнута библиотека с монументом Карамзину. Информировав об этом министра внутренних дел, губернатор представил и план местности, где было отведено место для библиотеки: это участок между гимназией и городским магистратом, напротив угловой часовни Спасского женского монастыря.

Автор проекта – губернский архитектор И.Н. Лизогуб, один из инициаторов увековечения памяти Карамзина на его родине, выполняя рекомендации комитета, создал проект оригинального ансамбля из трех зданий. Левое – гимназический пансион и правое – помещение для зрителя – скромные двухэтажные кирпичные дома. Что же касается центрального здания, тоже двухэтажного, но увенчанного довольно большим куполом, то оно было спроектировано под стать лучшим постройкам Симбирска 1830-х годов, возведенных в классическом коринфском стиле по проектам выдающегося зодчего Поволжья М.П. Коринфского. В верхнем этаже предполага-

⁶ Российская государственная библиотека, отдел рукописей, ф. 112, м. 5785, л. 124.

лось разместить книгохранилище, комнаты для чтения, а внизу, в центральном двухсветном зале, установить монумент Н.М. Карамзину. Словом, проект главного здания – это проект Карамзинской общественной библиотеки, главную залу которой украшал установленный на пьедестал бюст Историографа.

Только так и никак иначе воспринимали «памятник» Карамзину и присутствовавшие на обеде в честь И.И. Дмитриева видные литераторы, в том числе А.С. Пушкин, который, кстати, в сентябре того же 1833 года, во время поездки по сбору материалов для «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева», гостил у симбирского губернатора А.М. Загряжского, дальнего родственника своей жены, и, конечно, воочию увидел то место, где мыслилось воздвигнуть библиотеку. Оно находилось в непосредственной близости от губернаторского дома.

Казалось, ничто не могло помешать быстрому осуществлению благородных побуждений руководителей симбирского комитета: царь разрешил сбор средств по всей империи, губернатор отстаивал перед министром внутренних дел сооружение архитектурного карамзинского ансамбля и место для него в центральной части города. В столичной Академии художеств уже был объявлен открытый конкурс на создании монумента Историографу.

Однако в конце 1833 года начались первые серьезные затруднения. В декабре совет Академии художеств решил вопрос о памятнике Г.Р. Державину в Казани. А вот относительно симбирского памятника Н.М. Карамзину конкурс

не внес ясности. Из 9 представленных проектов совет отобрал для рассмотрения министру внутренних дел Д.Н. Блудову только три – профессоров А. Тона, Х. Мейера и А. Брюллова. По каждому из них министр дал указания для доработки. Наиболее сложными из них по композиции оказались темы барельефов для постамента, которые должны были отображать милостивое отношение Александра I и Николая I к автору «Истории государства Российского»⁷.

Затем, вольно или невольно, сумятицу в дело о памятнике внес князь М.П. Баратаев, который после некоторого перерыва, вызванного его отъездом из Симбирска, осенью 1833 года вновь занял пост губернского предводителя дворянства. Вскоре между ним и губернатором А.М. Загряжским сложились чрезвычайно неприязненные отношения. Баратаев, не входивший в состав комитета⁸, как бы в пику губернатору – председателю комитета, отверг проект создания общественной библиотеки и 6 марта 1834 года в письме к министру внутренних дел Блудову заявил, что желает, «чтобы памятник Карамзину на его родине был учреждением учебного заведения для воспитания и образования юношества, соединяясь с открывающимся ныне пансионом при гимназии»⁹.

⁷ Блохинцев А.Н. «И жизни след оставили своей...». Саратов, 1985, с. 105.

⁸ Авторы сборника «Родной город Ильича» (Саратов, 1972, с. 354) заблуждаются, полагая, что М.П. Баратаев входил в группу дворян, ходатайствовавших о подписке на памятник Карамзину.

⁹ РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 132. (Подчеркнуто мной. – Ж.Т.)

Д.Н. Блудов никак не отреагировал на это письмо, и оно попало в ту же папку нерешенных дел, что и проект комитета симбирских дворян. Шло время. Конфликт между губернатором и группой влиятельных помещиков, державших сторону Баратаева, завершился летом 1835 года отъездом из Симбирска Загряжского (взявшего с собой в Петербург и своего знакомого И.А. Гончарова)¹⁰.

Новый губернатор И.С. Жиркевич, вникнув в дела комитета и различные планы увековечения памяти Карамзина, обратился к Блудову с просьбой сообщить ему конфиденциально, «к какому именно направлению домогаться... склонить общий по сему предмету голос»¹¹.

Министр, словно не ведая о желании А.М. Загряжского, П.Н. Ивашева, братьев Языковых и других видных симбирян создать общественную библиотеку, в ответном письме к Жиркевичу от 5 ноября 1835 года коснулся почему-то лишь предложения Баратаева: «сколь ни похвальна мысль учредить учебное заведение с именем Карамзина, но, к крайнему сожалению, едва ли может быть она приведена в действие, как по неимению на то достаточного капитала, так и потому, что Высочайшее соизволение последовало лишь на сооружение памятника Карамзину в Симбирске. Вследствие чего по Высочайшей воле, для составления сего памятника, открыт при Императорской Академии художеств конкурс художников, и по недавно полученному мною

¹⁰ Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8. М., 1980, с. 345.

¹¹ РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 192.

уведомлению президента сей Академии... помянутый проект приводится уже к окончанию»¹².

Охотников перечить «высочайшему соизволению» в Симбирске не нашлось, и местному комитету оставалось ждать исхода академического конкурса да подыскивать место, в соответствии с предложением Блудова, для постановки монумента Карамзину «на открытом месте» Венца.

Члены симбирского комитета отвергли Венец, так как в северной части его стояло «старое и безобразное строение» помещика Филатова. Конечно, дворянство могло бы купить его и привести в «приличный вид». Но для устройства бульвара между этим домом и зданием губернских присутственных мест (сейчас здесь располагается сельхозакадемия) надобно и устроить бульвар для гулянья, к чему «встретились еще особые неудобства»¹³.

Тогда губернатор Жиркевич предложил установить памятник «среди площади перед настоящим Домом дворянства», находившимся в Троицком (ныне Краснознаменном) переулке. Но это некогда красивейшее здание (во дворе которого граф Н.И. Панин допрашивал пленного Емельяна Пугачева) уже сильно обветшало, и на его реконструкцию требовались значительные средства. К тому же, по мнению членов комитета, это место, «кроме съезда дворянства, во всякое время оказывалось скрытым» и публика не будет видеть памятника. В конце 21 декабря 1835 года

¹² Там же, л. 225.

¹³ РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 193.

комитет единогласно постановил донести министру внутренних дел, что «площадь против Гостиного двора (где стоит нынешний ЦУМ. — Ж.Т.), окружена будучи красивейшими зданиями и составляя место наиболее посещаемое жителями, найдена приличнейшим местом для воздвижения памятника»¹⁴.

Но и этому мнению симбирских почитателей Карамзина не суждено было сбыться. Николай I, побывавший 22 августа 1836 года в Симбирске, все переиначил и дал такие указания по благоустройству Венца и реконструкции района, прилегающего к губернаторскому дому, какие могли исходить только от императора-самодержца. Он, в частности, приказал благоустроить весь Венец — от здания присутственных мест до дома вице-губернатора (находившегося вблизи нынешнего нового общежития педуниверситета) и выстроить на месте, занимаемом флигелями типографии и архива, приличный новый дом Дворянского собрания. Западнее губернаторского дома, где находились частные усадьбы, Николай I повелел устроить площадь, в центре которой и возвысится памятник Карамзину. В связи с этим, к губернаторскому дому предлагалось сделать пристрой («новый фас»), со своим подъездом, который станет восточной границей новой площади. Обветшалое здание городского магистрата, стоявшее севернее этой площади, подлежало сносу, с тем

¹⁴ Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Приложение к памятной книжке Симбирской губернии на 1868 год. Симбирск, 1868, с. 152-155.

чтобы на его месте появилось более удобное и представительное¹⁵.

Через два года указания Николая I относительно создания обширной площади у губернаторского дома были уже в основном выполнены. Что же касается работ по созданию самого памятника Карамзину, то 1 июля 1838 года симбирянам стало известно из сообщения местных «Губернских ведомостей», что император соизволил повелеть: «Заключить с профессором Академии художеств Гальбергом контракт на сделание в течение трех лет, согласно предложенным им условиям и по составленному им проекту, в настоящем виде означенный памятник с барельефами, из своих материалов, за выпрошенную им цену 91800 руб., не включая в число сей суммы денег, нужных на покупку 550 пудов меди, которая имеет быть получена из казны, и оный памятник поставить в Симбирске на назначенном месте. Для увеличения же суммы, собранной на сооружение означенного памятника, издать в гравюре рисунки статуи с пьедесталом и двумя барельефами в числе 10 тыс. экземпляров и пустить оные в продажу по 5 руб. за штуку».

Как же случилось, что вместо одобренных еще в 1833 году Академией художеств трех проектов памятника Карамзину через пять лет выбор Николая I пал на новый проект, составленный профессором Гальбергом? Прежде чем ответить на этот вопрос, взглянем, хотя бы бегло, на жизненный и творческий путь художника-скульптора.

¹⁵ Прогулка по 12 губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году П. Сумарокова. СПб., 1839, с. 160.

Глава 2

СКУЛЬПТОР ГАЛЬБЕРГ

Самуил Иванович Гальберг родился в 1787 году в Эстляндии, в небогатой, но культурной шведской семье. Когда ему исполнилось семь лет, отец, управляющий имением, отвез мальчика в Петербург и поместил в училище при Императорской Академии художеств, в котором уже обучался 12-летний брат Самуила Иван, будущий архитектор. А еще один брат, Карл, воспитывался в сухопутном кадетском корпусе. Братья Гальберги с редким прилежанием относились к учебе в Академии. А в часы досуга они с увлечением занимались литературой и музыкой, принимали участие в концертах на семейных вечерах. Любимым наставником Самуила был профессор Иван Петрович Мартос. Под руководством этого известного в Европе ваятеля воспитанник Гальберг получал серебряные медали за успехи в рисовании и лепке, золотую медаль сенатора М.Н. Муравьева и малую золотую медаль за выполнение барельефа на конкурсную тему. А при выпуске из Академии художеств в 1808 году Самуил Гальберг был удостоен большой золотой медали за барельеф «Марфа Посадница приводит жениха своей дочери Мирослава к своему деду Феодосию, который дает ему свой родовой меч»¹⁶.

¹⁶ Энциклопедический словарь. Брокгауз и Эфрон. Биографии. Т. 3. М., 1993, с. 600.

Выпускная золотая медаль давала Гальбергу чин XIV класса и право на заграничное пенсионерство за счет казны. Однако из-за тревожной обстановки в Европе, сложившейся по вине Наполеона, эта поездка была отложена на 10 лет! В эти долгие годы ожидания молодой скульптор совершенствовал свое мастерство, помогал Мартосу в работе над барельефами к памятнику Минину и Пожарскому (на одном из них Самуил вылепил голову Мартоса).

К 1818 году в Академии художеств скопилось около трех десятков выпускников, имевших право на заграничные учение и стажировки. Решением же совета Академии в августе 1818-го в поездку на корабле «Елизавета» отправились только четыре пенсионера, в том числе Гальберг и его друг талантливый скульптор Сильвестр Щедрин¹⁷.

За десятилетие зарубежной творческой стажировки Самуил Иванович познакомился с лучшими музеями и галереями Европы, полнее всего — с сокровищами культуры Италии. Днем он обычно делал зарисовки статуй и барельефов, а по вечерам — лепил с натуры во Французской академии. Особенно внимательно Гальберг присматривался к творчеству лучших мастеров Европы — итальянца Антония Кановы и датчанина Бертеля Торвальдсена.

Уже весной 1819-го, пользуясь советами Торвальдсена, Самуил Иванович создает статую «Ахиллес» (находится в Эрмитаже), а осенью того

¹⁷ Мроз Е. Самуил Иванович Гальберг. М.-Л., 1948, с. 4.

же года – бюст товарища по пенсионерству архитектора В. Глинки. Затем он исполнил в мраморе портрет российского посланника в Риме А.Я. Италинского (Николай I подарит этот бюст Академии художеств), десятки других прекрасных бюстов.

Сразу же по возвращении в Россию, в 1828 году, Гальберг получил в родной Академии художеств место преподавателя скульптуры и звание адъюнкта. Но он активно занимался не только станковой, но и монументальной пластикой: участвовал в украшении Императорской Публичной библиотеки, Троицкой церкви Академии художеств. В 1830 году он создает памятник Александру I, а также статую Екатерины Великой¹⁸.

Но в основном изображал он деятелей литературы и искусства, которых знал лично. Моделями Гальберга стали баснописец Иван Крылов, поэт Антон Дельвиг, председатель Общества поощрения художников П.А. Кикин, президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки А.Н. Оленин. В «Художественной газете» 1836 года один из критиков справедливо заметил: «Бюсты его – дышат, едва не говорят... при совершенстве сходства С.И. Гальберг умеет уловить лучший, характерный момент...». Прекрасное стихотворение «Художнику» А.С. Пушкина навеяно и творениями Гальберга:

*Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе:
Сколько богов, и богинь, и героев!..*

¹⁸ Мроз Е. Самуил Иванович Гальберг, с. 16.

*Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров –
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! Как бы гордился тобой!*¹⁹

Не случайно, что 29 января 1837 года Жуковский через П.А. Плетнева обратился именно к Гальбергу с просьбой снять маску с лица только что почившего Пушкина. Точно следуя той маске (выполненной формовщиком П. Балиным), Самуил Иванович сделал бюст Пушкина – одно из самых сильных и глубоких своих произведений. Лицо поражает не только сходством и правдой, но и высочайшей духовностью великого поэта.

Лебединой песней Гальберга стал бюст его замечательного учителя И.П. Мартоса, который он подарил Академии художеств. Ныне этот бюст, отлитый в бронзе, экспонируется в Третьяковской галерее. Среди бумаг Самуила Ивановича сохранились записи задуманных им работ. Это памятники Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Ярославу, «дающему закон своему народу», и Михаилу Ломоносову.

К счастью, еще в 1833 году Гальберг, один из образованнейших людей своего времени, страстный патриот России, успел одержать победу на конкурсе проектов монумента, посвященного Гавриилу Романовичу Державину, в Казани. А затем, в 1835-м, когда президент Академии художеств предложил ему «заняться сочинением статуи и барельефов для памятника Карамзину», Самуил Иванович дал согласие на этот почетный

¹⁹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 3. Л., 1977, с. 332.

заказ. Это было хорошо взвешенное решение. Впервые, он еще в 1833 году принимал участие в академическом конкурсе проектов памятника историографу государства Российского. А во-вторых, его соавтором становился опытный архитектор Александр Андреевич Тон, с которым они так дружно создавали памятник Державину. Творил С.И. Гальберг споро: уже 10 августа 1835 года он доложил своему президенту: «Эскизы в глине статуи и барельефов для памятника Карамзину мною сочинены... Теперь с них делают рисунки, которые по окончании предложатся на рассмотрение»²⁰.

Из представленной при этом объяснительной записки видно, что Гальберг приготовил два памятника. Обосновывая замысел первого из них (под литерой «А»), он писал: «Прилично и согласно с требованиями изящного было бы и ставить как памятник на богатом пьедестале музу истории Клио, которая, имея в левой руке эмблематический признак свой трубу, правою возлагает на жертвенник бессмертия скрижали государства Российского, посвящая их таким образом бессмертию»²¹.

Относительно второго запись еще лаконичнее: «Другой проект (рисунок «В») представляет статую самого автора: Карамзин стоит, оперши скрижали своей истории на колонну — эмблему несокрушимости. Те же барельефы могут быть помещены на боковых фасадах пьедестала»²².

²⁰ Блохинцев А. Указ. соч., с. 106.

²¹ Мроз Е. Указ. соч., с. 18.

²² Блохинцев А. Указ. соч., с. 110.

Думается, что для самого Гальберга предпочтительнее был второй проект. Хотя бы потому, что проект памятника Г.Р. Державину, выполненный в сотрудничестве с профессором А. Тоном, был именно таким, более реалистичным. Но совет одобрил все-таки первый. Почему? Отвечая на этот вопрос, ученик Гальберга Н.А. Рамазанов, впоследствии тоже известный скульптор, писал: «Некоторые из опытных художников осуждали Гальберга, зачем он поставил на пьедестал Клио, а не самого Карамзина. Впрочем, это предпочтение Клио, надо полагать, было сделано по какому-нибудь постороннему настоянию; доказательством тому служат два прекрасных глиняных эскиза статуй Карамзина, сделанных рукою Гальберга и составляющих теперь собственность пишущего эти строки»²³. Рамазанов воздержался от расшифровки «постороннего настояния», но несомненно, что под ним подразумевалось вмешательство если не самого Николая I, то его ближайшего окружения.

Что касается содержания барельефов на боковых фасадах пьедестала памятника Карамзину, то оно было сформулировано графом Д.Н. Блудовым, и Гальберг лишь повторил в своей записке: в композиции, помещенной справа, представлен «Карамзин в апогее своей славы, когда он в 1811 году перед императором Александром читает о славных опасностях и подвигах его предка Дмитрия Ивановича Донского». В барельефе с про-

²³ Рамазанов Н. Петр Андреевич Ставассер. Русский вестник, 1863, № 1, с. 221.

тивоположной стороны историк изображен на смертном одре, рядом – друзья и родственники, присутствующие при прочтении присланного рескрипта, на котором видны слова: «Русский народ достоин знать свою Историю. История, вами написанная, достойна русского народа». В заключение Гальберг подчеркнул, что «если признано будет нужным присоединить к этому еще и портрет Карамзина, то можно на передней стороне пьедестала поместить бюст его в круглой впадине».

Несмотря на полную готовность Самуила Ивановича приступить к практическому воплощению в жизнь проекта памятника Карамзину, Николай I лишь через два года, летом 1838-го, повелел Академии художеств заключить контракт с Гальбергом об изготовлении им в течение трех лет памятника историографу за 91 800 рублей, с предоставлением скульптору, кроме того, казною 550 пудов меди. В распоряжении симбирского комитета, фактически возглавлявшегося П.М. Языковым, в это время имелось 65 214 рублей 50 копеек, собранных по общеимперской подписке. Наиболее щедрыми на пожертвования оказались, конечно, симбиряне и петербуржцы, внесшие на счет комитета почти по 15 тысяч рублей²⁴. В иных краях эта подписка не была, как следует, организована, и поэтому Воронежская, Екатеринбургская, Астраханская губернии собрали всего лишь по 25-35 рублей²⁵. Как это ни стран-

²⁴ РЦИА, ф. 789, оп. 1, ч. 2, д. 1718, л. 45.

²⁵ Фонды Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. № 8071, лл. 1-9, 40.

но, но и император, и члены его семейства не подали личного примера в сдаче пожертвований. Тем не менее имевшихся в кассе симбирского комитета денег было достаточно, чтобы автор памятника Н.М. Карамзину вел работу без сбоев.

Увы, 10 мая 1839 года, на 52 году жизни, Самуил Иванович Гальберг скончался. «Тихий, скромный нрав умного, высокообразованного художника располагал к нему всех, – вспоминал его ученик Н.А. Рамазанов. – Когда от Академии двинулась погребальная процессия, между множества народа, в противность данного слова: не бывать ни на чьих похоронах, явился Карл Павлович Брюллов с обнаженной головой, и пошел за гробом до самого Волкова кладбища... Мы уныло глядели на холм земли, скрывавший от нас драгоценного художника... смотрели на нашего красавца Брюллова, который не плакал, а восторженно говорил об искусстве, о влиянии его не общество и о том бескорыстном служении, какому так мало у нас отдаются и которому был отдан душою Гальберг. “Да, господа, – сказал Брюллов, – сегодня мы похоронили пол-академии!”»

Проникновенные суждения великого живописца о таланте и заслугах Самуила Ивановича падали на благодатную почву: его ученики были преисполнены решимостью воплотить в жизнь самые сокровенные мечты своего незабвенного учителя.

Глава 3

ВОПЛОЩАЯ ЗАМЫСЛ НАСТАВНИКА

Ученики Гальберга, к которым обращался на Волковом кладбище Карл Брюллов, — это завершившие в том же 1839 году курс учения в Академии художеств, причем с золотыми медалями первой степени, Н.А. Рамазанов, А.А. Иванов, П.А. Ставассер и К.М. Климченко. Имя каждого из них увековечено в истории художественной культуры России и заслуживает в очерке о Симбирском памятнике Н.М. Карамзину хотя бы краткого рассказа.

Самым именитым из этой великолепной четверки ваятелей является Николай Александрович Рамазанов. Родился он в 1812 году в семье придворных актеров. Двенадцати лет от роду Николай был определен казеннокоштным воспитанником Академии художеств, где за свои успехи удостоивался трех серебряных и двух золотых медалей. За выпускную работу в 1839 году — статую «Фавн, несущий козленка» — был награжден большой золотой медалью.

Ближайшим товарищем Николая Рамазанова во время учебы в Академии художеств был Петр Андреевич Ставассер, тоже петербуржец по рождению, крестник знаменитого И.П. Мартоса. Внешне очень симпатичный, с кудрявой белокурой головой, с открытым лицом и добрыми глазами, Петр Ставассер показывал поразительные

успехи как в рисовании с натуры (за что его очень хвалил сам Карл Брюллов), так и в лепке в натуральном классе, за что удостоивался медалей. А в 1837 году его фигурку «Отдыхающий юноша», которая отличалась «необыкновенной приятностью лепки», президент Академии художеств А.Н. Оленин приказал отлить из бронзы, чтобы представить затем Николаю I как «образцовое произведение»²⁶.

За скульптуру «Рыбачка», которую Ставассер лепил сначала под наблюдением С. Гальберга, а после его кончины под руководством К. Брюллова, он удостоился большой золотой медали и в придачу еще и малой золотой – «за экспрессию». Подобную награду до него получали только живописец К. Брюллов и скульптор А. Терещенев.

Талантливыми учениками Гальберга оказались Антон Андреевич Иванов (1815-1846) и Константин Михайлович Климченко (1816-1849). За годы пребывания в Академии они неоднократно награждались серебряными и золотыми медалями, а при выпуске в 1839 году получили право, как Рамазанов и Ставассер, на зарубежное пенсионерство.

Однако чувство долга оказалось сильнее желания воспользоваться заслуженной и желанной стажировкой в Италии, и все эти четверо молодых ваятелей остались в Северной Пальмире, чтобы воплотить в жизнь последние заветные задумки Самуила Ивановича.

²⁶ Рамазанов Н. Материалы для истории художеств в России. Кн. 1. М., 1863, с 169.

Сначала Петр Ставассер и Антон Иванов создали по эскизу Гальберга надгробный памятник его другу и тоже выдающемуся скульптору Сильвестру Щедрину, чей прах покоился в далеком от родины Сорренто. По эскизу же своего учителя Ставассер вылепил и барельеф «Ангел, возмущающий воду» для домово́й церкви Академии художеств.

Затем, по протекции президента Академии художеств А. Оленина, император Николай I допустил Ставассера, Иванова, Климченко и Рамазанова к участию в конкурсе эскизов фронтонов Исаакиевского собора. «Между нами четверьмя, – вспоминал Рамазанов, – было такое условие: чей бы фронтон ни был избран, мы стали бы работать вместе, деля плату на равные части, чтобы выиграть время и скорее отправиться в Италию»²⁷.

К. Брюллов и А. Оленин одобрили их эскизы, но руководитель сооружения собора француз Монферран, не жаловавший русских художников, отклонил работы молодых конкурсантов. А те, не пав духом, с воодушевлением взялись за воплощение еще двух, пожалуй, главных замыслов Гальберга – памятников Н.М. Карамзину в Симбирске и Г.Р. Державину в Казани.

Необычность этого дела обуславливалась тем, что в России монументально увековечивалась память особ царской фамилии да героев-полководцев. Из статских этой чести пока что удостоились Ломоносов в Архангельске, меценат Демидов в Ярославле да герцог Ришелье в Одессе. К тому же

²⁷ Русский вестник, 1863, т. 44, январь, с. 213.

сибирский памятник отличался немалой сложностью для исполнения. Президент Академии художеств Оленин напутствовал молодых ваятелей: «Старайтесь ничего не изменять против эскизов; что сделано Гальбергом — сделано верно и превосходно, вы, вероятно, не захотите, чтоб мысль покойного профессора была худо выполнена».

Да, Гальберг славился умением создать фигуры, отличающиеся чистой, идеальной формой, всегда исполненные жизни, глубоким умом и выполнением всех тончайших условий скульптуры. «Взгляните на произведение его руки — статую Екатерины II, что в конференц-зале Академии художеств, — писал критик «Художественной газеты» в сентябре 1841 года. — Какая царственность в позе, какое величественное спокойствие на челе! Здесь самые мотивы складок в тунике и в мантии имеют какую-то важность... Как широко и плавно они обрисовывают стан царицы и как потом тихо и свободно падают с ее колен на подножие. Великий художник смотрел на ход и перемены складок, как на поступь человека, подсмотрел в них жизнь и значение, им принадлежащее, и понял в совершенстве их характер: важный и игривый».

Таким же совершенством была проникнута задуманная профессором и муза истории Клио, которая должна была стоять на пьедестале сибирского памятника Карамзину. Полностью уяснив замысел своего учителя и отстраняя игру собственной фантазии, за лепку этой колоссальной статуи, высотой в пять аршин, взялись Петр Ставассер и Антон Иванов.

Сотрудник «Художественной газеты», которому довелось видеть статую Клио в литейной мастерской Академии, уже окончательно подготовленную к отливке из бронзы, с восхищением делился впечатлениями с читателями: «Постановка главной фигуры соблюдена гг. Ивановым и Ставассером совершенно согласно с эскизом; драпировка накинута и вылеплена превосходно; красота женских фигур проглядывает под одеждой, но вы не заметите в этом ни натянутости, ни изысканности, — все естественно. Как любимые ученики Гальберга, они исполнили оконечности фигуры с удивительным совершенством. Мягкость лепки, но не приторная, не натянутая, мягкость, какую часто встречаем у французов, составляла всегда отличительное достоинство Иванова и Ставассера, и в этой фигуре они, как говорят на Руси, показали себя».

В пьедестале памятника, в круглой нише, должен был помещаться бюст Карамзина. Повествуя о трудностях, с которыми столкнулись при лепке Николай Рамазанов и Константин Климченко, критик «Художественной газеты» отметил, что после смерти Николая Михайловича не осталось ни бюста, ни маски, и сообщил: «У супруги его находится портрет, написанный с него масляными красками в молодых летах; но так как портрет, рисованный с натуры искусным карандашом профессора Варнека, через гравюру нашего славного профессора Уткина, более знаком публике, то молодые художники взяли его себе образцом. Хотя этот портрет исполнен прекрасно, и схож с подлинником, но повторить его в

колоссальных размерах, без помощи силуэта (портрет нарисован в три четверти) и выполнить отчетливо во всех подробностях, было весьма затруднительно; однако бюст схож с портретом, и те из членов Академического совета, которые видали и помнят покойника, нашли его удовлетворительным».

Для боковых сторон пьедестала ученики Гальберга вылепили два барельефа. На левом Климченко изобразил Карамзина читающим отрывок из своей «Истории» Александру I в присутствии его сестры Екатерины Павловны во время пребывания императора в Твери в 1811 году. На другом, тоже в аллегорической форме, Николай Михайлович запечатлен на смертном одре в окружении своего семейства в тот момент, когда узнал из рескрипта Николая I о пожаловании ему щедрого пенсионера. В соответствии с канонами классического стиля все фигуры памятника изображены в античных одеждах. По лаконичному, но высокому отзыву их коллег, барельефы эти были «исполнены нашими молодыми скульпторами с искусством, свойственным художникам, удостоенным Академиею золотой медали первой степени»²⁸.

Статую Клио, бюст историографа и барельефы отливались в бронзе в литейной Академии художеств под руководством профессора барона Петра Карловича Клодта, прославившегося четырьмя своими скульптурными группами «Конь с вожатым» для Аничкова моста.

²⁸ Художественная газета, 1841, 15 сентября; С.-Петербургские ведомости, 1841, 28 сентября.

Подытоживая свои впечатления от созерцания подготовленного к отливке симбирского памятника, обозреватель «Художественной газеты» заявил, что к «чести изобретателя и исполнителей» он, «по общему приговору художников, будет одним из лучших в России». Вместе с тем обозреватель выразил сожаление, что пьедестал не круглый: «Теперь фигура имеет гармоническую связь с пьедесталом только с фасов, т.е. величины одной и другой находятся в пропорциональном отношении; с углов, т.е. там, где глазу зрителя представляется вдруг две стороны пьедестала, масса последнего является несколько громоздкою с легкой фигурой музы. При круглом пьедестале эта непропорциональность исчезла бы. Впрочем, мы заметили это глядя на пробную модель памятника; в настоящем ж своем размере и на открытом воздухе он может быть примет другой вид».

Забегая вперед, замечу, что, благодаря точному расчету профессора Академии художеств Александра Андреевича Тона, автора этого сложного по рисунку массивного пьедестала, памятник в Симбирске – «месторождении Карамзина» – выглядит идеально, пропорционально и изящно.

Некоторые критики упрекали С. Гальберга за «верноподданнические барельефы» по бокам пьедестала памятника. Но, напоминая, в данном случае скульптор выполнял заказ министра внутренних дел Д.Н. Блудова, который еще 31 января 1834 года в письме к президенту Академии художеств предложил оба сюжета для барельефов: чтение Карамзиным одной из глав «Истории

государства Российского» Александру I в Твери и щедрость Николая I, которую он проявил к лежащему на смертном одре историографу.

В начале ноября 1841 года «монументальный мастер Степан Леонтьевич Анисимов доставил из Финляндии в Петербург три «цельных больших куска одинакового красного гранита» и, согласно кондициям Академии художеств, принялся за их обработку: тесную подгонку, шлифовку, вырубку в них («мелкою ковкою») впадин для горельефов и бюста Карамзина. К лету 1842 года Анисимов обязался представить пьедестал для осмотра совету Академии художеств и, в случае одобрения, весь памятник (весом до 5000 пудов) доставить в ту же навигацию на судне в Симбирск и установить его там «на площади между домами губернатора, губернской гимназии и стеною женского монастыря».

Однако из-за нехватки средств и по ряду других причин барон Клодт завершил отливку «из бронзы памятника Карамзину только в 1843 году». Оставалось сделать надпись на пьедестале. Мастер Анисимов хотел вырубить ее в граните и затем «вызолотить листовым червонным золотом», но академический совет предложил мастеру выполнить надпись из накладных букв.

Имеет свою непростую историю и текст этой надписи на памятнике. Скульптор С. Гальберг по собственному усмотрению на модели памятника начертал: «Н.М. Карамзину, словесности и истории великие услуги оказавшему». За прошедшее же с тех пор десятилетие цензура в стране намного усилилась, и министр внутренних дел счел нуж-

ным в конце 1842 года привлечь к составлению новой, более официальной надписи Министерство народного просвещения. Последнее представило аж четыре варианта:

1. Н.М. Карамзину, повелением Императора Николая I. 1843.

2. Н.М. Карамзину, историку Российского государства. 1843.

3. Н.М. Карамзину, творцу истории и преобразователю словесности русской. 1843.

4. Н.М. Карамзину, истории и словесности русской великие услуги оказавшему. 1843.

Министр внутренних дел Д.Н. Блудов «творчески» переработал эти тексты, взяв за основу второй вариант и дополнив словами из первого — «повелением Императора Николая I». При этом была изъята дата «1843», с тем чтобы выложить на памятнике реальную, на момент установки в Симбирске²⁹.

Внес свою лепту в это творчество и Комитет министров, который предложил такую надпись: «Карамзину, бытописателю России. В царствование императора Николая I. 1843».

Императору пришлось больше по душе текст Блудова, где подчеркивалось, что памятник историку Российского государства сооружен его повелением. Самодержец, с помощью подхалимов, постарался забыть об инициативе симбирских почитателей своего земляка, о вкладе столичных литераторов еще в 1833 году и всероссийской подписке на памятник, деньги от которой поступали в симбирский комитет.

²⁹ РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 107.

Досадное недоразумение произошло и с появлением на пьедестале памятника даты: «1844 годъ». Вначале, как мы видели, фигурировал «1843», ибо еще весной того же года изготовление всех бронзовых частей, а также гранитного пьедестала было уже завершено и памятник был готов к транспортировке в родной город Карамзина.

Однако в навигацию 1843-го отправка не состоялась, ввиду того что симбирское дворянство за два года хлопот так и не смогло собрать недостающих 480 рублей, потребных для устройства под массивный памятник надежного фундамента («вниз до 8 аршин»). И все же летом 1844-го тверской крестьянин Тимофей Михайлов доставил «по воде» весь памятник (с датой «1844 годъ») в Симбирск, надеясь, что фундамент будет завершен в его присутствии. В связи с этим Николай Языков, поселившийся, после безуспешного пятилетнего лечения за границей, в Москве, сообщал 14 декабря 1844 года Н.В. Гоголю в Рим: «Памятник, воздвигаемый в Симбирске Карамзину, уже привезен на место. Народ смотрит на статую Клио и толкует, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимает, что это богиня истории! Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают вековую бессмыслицу»³⁰.

К этому можно добавить, что изображение на памятнике необычно одетых, а то и полуобнаженных фигур недоуменно воспринималось не только простым людом, но порой и людьми гра-

³⁰ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 300.

мотными. Непонятый многими, памятник в народе прозывали «чугунной бабой».

В январе 1845-го симбирский губернский предводитель дворянства штабс-капитан П.И. Юрлов вынужден был отпустить Т. Михайлова в столицу. А симбирский губернатор Н.М. Булдаков, получив разрешение министра внутренних дел, уведомил «всех значительных помещиков» губернии о необходимости внести недостающие деньги. После выполнения этого предписания работы по сооружению фундамента развернулись полным ходом. И наконец настал день, когда симбирский купец Завьялов доставил памятник с берега Волги на площадь у губернаторского дома (за труд он получил 343 рубля серебром). 28 июля мастеру Анисимову было предложено отправиться из Петербурга в Симбирск для установки памятника на фундаменте, ибо на 22 августа намечалось его торжественное открытие.

В спешке забыли заменить последнюю цифру в дате установления памятника – вместо «4» вставить «5». Так и остался на полтора столетия на пьедестале 1844 год вместо положенного 1845-го, сбивая с толку опытных историков и экскурсоводов: одни думают, что здесь указана дата изготовления памятника в столице, другие – что это дата открытия в Симбирске, а третьи – будто в 1844 году состоялось повеление Николая I, которое на самом деле было обнародовано еще в 1833 году.

Наиболее же распространенное мнение встречаем в сборнике П. Мартынова «Город Симбирск за 250 лет его существования»: «Статуя Клио была привезена в Симбирск в 1843 году и проле-

жала на берегу Волги почти два года (т.е. до лета 1845 года. — *Ж.Т.*), пока не доставили из Петербурга пьедестал и бюст Карамзина»³¹. Но оно находится в противоречии с приведенными мною документами, согласно которым весь памятник доставлен в Симбирск в навигацию 1844 года, и статуя Клио пролежала на берегу Волги не «почти два года», а около года.

Нет в нашей литературе единого взгляда и на высоту памятника Карамзину. В «Записке» об открытии памятника Николаю Михайловичу, опубликованной в 1867 году, говорится о высоте в «пять сажен» (10,65 метра)³². Полковник Генштаба А.О. Липинский в своем двухтомном исследовании о Симбирской губернии определил высоту до «четырех с половиной сажен»³³. В сборнике П. Мартынова «Город Симбирск за 250 лет его существования» говорится: «Памятник имеет вышины до 4 сажен. Судя же по архивным данным, высота гранитного пьедестала равна 7 аршинам (497 см) и статуи Клио — 5 аршинам 355 см), а общая высота — 8 метрам 52 сантиметрам, то есть — ровно 4 саженям.

В заключение приведу небезынтересные данные из сметы на сооружение памятника Карамзину, позволяющие представить характер и стоимость основных работ:

³¹ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет, с. 82.

³² Симбирский юбилей Н.М. Карамзина. С-к, 1867, с. 171.

³³ Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генштаба. Симбирская губерния. Т. 1. Сост. полковник Липинский. СПб., 1868, с. 117.

«1. За сделание модели статуи (Клио) в настоящую величину (пять аршин) и за снятие с нее форм – 15000 руб.

2. За вылепление двух барельефов и их формовку – 3000 руб.

3. За вылепление колоссального бюста (Карамзина) и за его формовку – 1000 руб.

4. Отлитие из бронзы сих моделей, с предварительною расчисткою воска и окончательною отчеканкою в бронзе, а также изготовление букв надписи с их позолотою: все сие вместе оценено – 50000 руб.

5. Пьедестал из цельных трех кусков гранита, а нижняя лещадь из двух больших и двух по сторонам меньших кусков того же камня, вместе с укладкою всего помянутого, доставкой к пристани и погрузкою – 20000 руб.

6. Выгрузка, выволочка на гору (с волжской пристани Симбирска на Венец. – *Ж.Т.*) и постановка на место – 6800 руб.»³⁴.

Общая стоимость всех работ исчислялась суммой в 105800 рублей. Однако обществу памятник обошелся дешевле, ибо 550 пудов меди казна дала бесплатно, что и снизило затраты до 91800 рублей. К этой сумме следовало добавить злополучные расходы симбирян на устройство фундамента.

³⁴ РЦИА, ф. 1224, оп. 18, д. 52, л. 18.

Глава 4

РОССИИ ДАР – В ХВАЛУ КАРАМЗИНА

Весной 1845 года все работы по устройству фундамента для памятника Карамзину завершились. Должным образом была облагорожена окружающая местность, на которой появились первые насаждения будущего скверика. Наступил черед для приглашения почетных гостей из столиц и Казани, разработки программы торжеств, связанных с открытием памятника. К обычным трудностям, присущим публичным мероприятиям, прибавились две весьма существенные. Не удалось завершить отделку нового Дома дворянского собрания, и по каким-то причинам Николай I, как это видно из сообщения «Симбирских губернских ведомостей» от 27 июля 1845 года, еще 8 июня «соизволил на увольнение от должности симбирского губернского предводителя дворянства штабс-капитана Юрлова». В связи с этим «ЧП» на 20 августа было назначено «чрезвычайное губернское собрание для избрания кандидатов на должность симбирского губернского предводителя дворянства».

В этой напряженной обстановке Николай Языков и его братья сыграли едва ли не ключевую роль в подготовке торжеств, связанных с открытием памятника. Поэт, прекрасно понимая, как тяжело переживает академик М.П. Погодин недавнюю смерть жены, все-таки настойчиво убеж-

дает его составить «похвальную речь» для выступления на родине историографа.

Погодин взял себя в руки и вовремя завершил написание «Исторического похвального слова Карамзину». Но обстановка требовала, чтобы он поехал в Симбирск по направлению либо Академии наук, либо университета, где состоял профессором. Не без влияния Языкова симбирский губернатор Н.М. Булдаков обратился к министру просвещения С.С. Уварову с просьбой откомандировать Погодина в Симбирск, где 22 августа, в день коронации покойного императора Александра I, намечалось открытие памятника. Когда же стало известно, что министр то ли пожалел выделить деньги на путевые расходы академика, то ли хотел показать, что его мало интересует открытие памятника Карамзину, и отказал в командировке, Александр Михайлович Языков попросил брата-поэта передать Погодину, чтобы его не оттащивала эта скарденность министра: «прогоны ему возвратит дворянство. Уваров поступил очень невежественно». Николай Михайлович не медля обращается к Погодину: «Поезжай же 16 августа в ночь. К 20 или 21 августа ты будешь на месте. В Симбирске прямо въезжай в дом П.М. Языкова; а на обратном пути ведь ты поедешь оттуда на Арзамас, Муром и проч., непременно заезжай ко мне в село Языково... Там днюй и ночуй и проч. Я пишу туда, чтобы тебя там ждали и приняли бы с подобающей честью!»

Это обращение академик старательно исполнил и уже 17 августа помчался из Москвы на курьерских, а 21 числа (всего за четверо суток!),

уставший, но довольный, добрался до желанного Симбирска. В особняке на Спасской (ныне Советской) улице дорогого гостя радушно принял Петр Михайлович Языков, фактический руководитель комитета по сооружению памятника Карамзину.

Свои чувства от пребывания на родине историкографа Погодин обрисовал в письме в Москву к племяннику баснописца И.И. Дмитриева литератору Михаилу Александровичу Дмитриеву: «Симбирск, вы знаете, виден из далека. Сердце у меня забилося, как я увидел город, за полями и лугами, на высокой горе... Мысль, что я еду говорить «Похвальное слово» Карамзину, который с детских лет был первым героем моего воображения, – которого, в юности, любил я, могу сказать, со страстью, – у которого начал учиться и добру, и языку, и истории... приводила меня в волнение. Думал ли знаменитый Историк, что тот молодой человек, кому он в Петербурге, за несколько месяцев до кончины, дрожащему и трепещущему, благоволил сказать одобрителное слово и изъявить доброе пожелание, призовется через двадцать лет на его родину, совершить перед его памятником торжественное поминовение об его заслугах и благодеяниях Отечеству, и будет говорить ему «Похвальное слово»...

Я остановился у П.М. Языкова, – продолжал Погодин. – В тот же вечер собралось к нему несколько знакомых симбирских дворян, и, между прочим, И.С. Аржевитинов, потерявший ногу в Бородинском сражении и ходящий на деревяшке. Мне вспомнилось описание симбирского общества в романе Карамзина «Рыцарь нашего време-

ни», и я невольно перенесся, с особенным удовольствием, в давно прошедшее время».

Петр Михайлович Языков, которого академик причислял «к числу первых наших геологов, уважаемых в Европе», занимал тогда отчий дом на Спасской (ныне там размещается Литературный музей «Дом Языковых»). Вечером на встречу с высоким московским гостем Языков пригласил брата Александра Михайловича с женой, князя Ю.С. Хованского (члена комитета по сооружению памятника Карамзину и своего родственника по жене), поэта Д.П. Ознобишина, который еще в 1820-х годах находился в дружеских отношениях с Погодиным.

22 августа все дворянство Симбирска собралось по случаю дня коронации у губернатора Николая Михайловича Булдакова, воспитанника Московского университета. Пришедшего представиться Погодина он встретил очень приветливо. После церемонии представления Михаил Петрович отстоял обедню в кафедральном Троицком соборе, а по окончании оказался в числе почетных гостей на завтраке у архиепископа.

Вечером этого дня в губернаторском особняке состоялось собрание дворян, на котором Погодин прочел «Похвальное слово» историографу. «Лишь только я кончил, — сообщил он в письме к М. Дмитриеву, как сыновья Карамзина, также здесь присутствовавшие, Андрей Николаевич и Александр Николаевич, обратились ко мне с благодарностью и жали мне руки со слезами на глазах. Это была приятнейшая минута в моей жизни литературной».

Утром следующего дня, 23 августа, губернское начальство, представители дворянства и купечества, воспитанники гимназии и духовной семинарии в «мундирах и полном параде» заполнили Троицкий собор, где после заупокойной литургии, совершенной архиепископом Феодотием, последовала панихида. «Казалось – вся Россия собралась сюда совершать благодарственное поминовение об одном из лучших и достойнейших сынов своих... Воспоминание о такой жизни, как жизнь Карамзина, чистая, неукоризненная, вся посвященная благу... все это приводило души в какое-то особенное состояние. Сыновья его плакали – но в эти минуты мы все были его сыновьями, мы все плакали слезами... не горести, но какого-то грустного высокого радования».

По окончании священнослужения все общество под ласковыми солнечными лучами отправилось к новой площади (между домами городской управы, гимназии, губернатора и оградой Спасского женского монастыря), где и состоялось торжественное открытие монумента. При приближении процессии завеса, укрывшая бюст Карамзина и боковые барельефы, была снята, а статуя музы истории Клио оставалась закрытою. Преосвященный произнес краткую молитву, окропил «святою» водою нижнюю часть памятника, которую обошел кругом. По обычаю было провозглашено многолетие императору и всему его дому. Затем дьякон пропел «вечную память историографу Николаю Михайловичу Карамзину» и многие лета симбирскому дворянству, всем почитателям памяти великого писателя. В завершение

богослужебной части торжества Феодотий, обратившись к бюсту Карамзина, произнес заключительное слово.

Глубокое впечатление на присутствовавших произвело выступление поэта, почетного попечителя гимназии Дмитрия Петровича Ознобишина, который в своем стихотворении напомнил, что памятник в Симбирске – «России дар – в хвалу Карамзина», и выразил уверенность:

*Так русский юноша, теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик, сияющий в меди,
Любовь к отечеству – сей огонь неугасимый
Восчувствует в груди.*

После выступления поэта преосвященный Феодотий удалился, как выразился в письме Погодин, «для разоблачения», покрывало было спущено с Клио и она «предстала пред взорами публики в мифологическом грешном своем величии». Полубовавшись памятником, избранное общество направилось в гимназию для слушания «Исторического похвального слова» Карамзину. «Обширная зала, – говорилось в письме Погодина Дмитриеву, – наполнена была слушателями. В соседних комнатах, на хорах и в коридорах толпился народ. Дамы занимали передние ряды. По обеим сторонам кафедры находилось множество предстоявших. Я взошел, встреченный громкими рукоплесканиями, и начал говорить между портретами Карамзина и Дмитриева».

Отметив высокое звание писателя в обществе, академик обратился к жизни и заслугам Карамзина на поприще языка, словесности и истории.

Затем, в хронологическом порядке, оратор перечислил основные сочинения Николая Михайловича, подчеркивая при этом «существенное и относительное достоинство каждого». Суть заслуг Карамзина в области русского языка и словесности академик изложил в такой емкой фразе: «Он очистил русский язык, освободил его из-под классического влияния, указал ему настоящее течение, обработал слог, обогатил словесность, представил сочинения во всех родах: письма, повести, рассуждения, похвальные слова, разговоры; возбудил участие к сочинениям знаменитых писателей, познакомил с иностранными литературами, перевел множество образцовых произведений со всех языков, привел в движение словесность, распространил охоту к чтению, сумел возбудить любовь к знаниям, коснулся до всех современных вопросов, учил рассуждать политически, наконец, начал возбуждать участие к русской старине и познакомил с древними иностранными путешественниками»³⁵.

Этих трудов и заслуг, по мнению Погодина, достаточно, чтобы прославить нескольких писателей на всю их жизнь, а Карамзин рассматривал сделанное как приготовление к главному — написанию достоверной и вместе с тем занимательной русской истории. Ему понадобилось более 20 лет исполнительного и самозабвенного труда, чтобы справиться с этой задачей и создать великое произведение — «Историю государства Российского».

³⁵ Историческое похвальное слово Карамзину. М., 1845, с. 34.

«Он рассмотрел и исследовал все известные до него исторические источники, и множество новых, им самим открытых; ни одного списка летописи не осталось не прочитанного, не пересмотренного, и на всех сияют следы его руки, — продолжал Погодин. — Этого мало, он перечел столь же добросовестно историков, которые прежде его пользовались ими, и показал, где и как они уклонялись, часто даже — почему... Отовсюду извлекал Карамзин сущность и употреблял в дело, указывал при всяком положении на то свидетельство, которое служило ему основанием, приводя важнейшие места из древних источников, так что, если бы мы имели несчастье потерять их все, — наука могла бы еще идти далее и совершенствоваться из одного его сочинения».

И какие бы события — государственные, законодательные и ученые — Карамзин ни освещал, обо всех он составлял свое мнение — всегда, по словам Погодина, «замечательное, плод ясного ума и прилежного размышления, мнение, которое непременно должен иметь в виду всякий будущий исследователь... Юристы, филологи, богословы — все должны начинать с него, ссылаться на него! Все получают от него пособие»³⁶.

Но «История» Карамзина — это еще и великолепный литературный памятник, вобравший в себя чуть ли не все богатство русского языка. Его повествование часто поднимается до высокой поэзии, и читатель благодаря этому искусству пред-

³⁶ Историческое похвальное слово Карамзину. М., 1845, с. 42.

ставляет себе многие события и лица так отчетливо, будто бы они воочию пред ним. Река русской истории представлена автором отчетливо и вразумительно. Все события, имевшие влияние на судьбу государства, указаны, оценены Карамзиным, и благодаря этому русский народ лучше познал и полюбил свое Отечество.

Трудно переоценить то глубокое нравственное влияние, которое оказала «История государства Российского» на читателей. «Как возвышает Карамзин человеческое достоинство! – воскликнул Погодин в зале симбирской гимназии 23 августа 1845 года. – Как питает все благородные чувства! Что сказать об его глубоком уважении русского народа!»

Коснувшись далее «Записки о древней и новой России» и «Записки о Польше», представленных Карамзиным Александру I, Погодин с полным на то основанием заявил, что без этих драгоценных творений мы не имели бы полного понятия об историографе. В первой записке, поданной императору в 1811 году, в страшное время, когда, по выражению Погодина, «Наполеон стоял на верху своего могущества и грозил России порабощением», Карамзин после обозрения древней истории анализирует деяния Петра I. Отметив великие подвиги царя, он бесстрашно разобрал и «вредные по последствиям его деяния». К числу таковых он отнес предпочтение, оказываемое Петром I вводимым им порядкам в ущерб народным обычаям. «Второе вредное действие Петрово», по мнению Карамзина, состояло в «отделении высшего сословия от низшего одеждою и наружностью...». Тре-

тье — «ослабление связей родственных... Наконец, блестящею ошибкою Петра Карамзин называл основание столицы в Петербурге».

Погодин не стал припоминать, какой суд произнес автор в «Истории государства Российского» царствованиям Екатерины I с Меншиковым, Петра II с Долгоруким, Анны с Бироном, Елизаветы... Петра III. А рассуждение о Екатерине II начал так: «Главное дело сей незабвенной монархини состоит в том, что ею смягчилось самодержавие... что она возвысила нравственную цену человека в своей державе».

И даже для изображения действий Александра I Карамзин избрал красноречивый эпиграф: «Несть лъсти в языке моем». И, по словам Погодина, историограф «страшными красками изображает состояние России и разбирает все меры правительства относительно внешней политики, законодательства, устройства, финансов, осуждает расположение к преобразованиям, говорит об искусстве избирать людей и обходиться с ними, об общественных наградах и наказаниях». Перечислив проблемы, по которым Карамзин высказал замечания и внес предложения, Погодин выразил восхищение гражданским мужеством историографа, не боявшегося дать свою оценку важнейшим проблемам общественной и государственной жизни, которую он «по долгу совести и присяги считал справедливой и полезной».

В «Записке о Польше» Николай Михайлович защищает исторические права России на те области, кои несведущие или злонамеренные деятели в Европе называли польскими, хотя в них издав-

на проживало русское население, исповедующее православие.

Эти две записки, по мнению академика, позволяют отклонить нареkanie на «Историю» Карамзина, выраженное в эпиграмме Пушкина, «столь знаменитой между его ровесниками». И хотя оратор в зале симбирской гимназии и не произнес эпиграммы, родившейся в 1819 году, просвещенные слушатели знали ее:

*В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.*

Погодин прав, полагая, что такая эпиграмма могла родиться только у еще «неопытного» юноши. Ведь Карамзин никогда не воспевал «прелести кнута». Что касается самодержавия, то он одобрял его лишь в том случае, когда «слава и власть венценосца подчинены благу народному», когда они руководствуются принципом, «что не подданные существуют для монархов, а монархи для подданных...»³⁷.

В заключительной части «Похвального слова» академик постарался обрисовать Николая Михайловича как человека. И примечательно, что сделал он это на основании своих писем к симбирянам И.И. Дмитриеву и А.И. Тургеневу. Зная эти письма наизусть, Погодин эмоционально показал слушателям чистую душу Карамзина, благородство его характера, уважительное отношение к

³⁷ Историческое похвальное слово Карамзину, с. 22.

окружающим его людям, трудолюбие, скромность. Затем привел слова Карамзина из письма к Александру Тургеневу 1826 года: «Для нас, русских, одна Россия самобытна, одна Россия истинно существует: все иное есть только отношение к ней, мечта, привидение. Мыслить, мечтать можем в Германии, Франции, Италии, а дело делать единственно в России, или нет гражданства, нет человека...»

Вслед за этим академик прочел описание последних минут жизни Карамзина, сделанное Жуковским, а закончил выступление благодарностью его землякам, воздвигшим первый в стране монумент историку государства Российского, и пожеланием: «Пусть памятник... одушевляет ваших детей, все следующие поколения в благородном стремлении к высокой цели Карамзина! Пусть дух его носится в России! Пусть он останется всегда идеалом русского писателя, русского гражданина, русского человека!»

«Историческое похвальное слово» Михаила Погодина, продолжавшееся около двух часов, закончилось единодушной овацией и благодарностью губернского предводителя дворянства. По просьбе публики, и тоже под рукоплескания, поэт Дмитрий Ознобишин повторил свои стихи, прочитанные перед памятником. Завершился этот торжественный день обедом, который дало дворянство в своем клубе. Стол начался ухой, а затем подали огромного осетра. Запенилось шампанское. Губернский предводитель Александр Львович Киндяков провозгласил первый тост за здоровье государя императора. Второй тост произ-

нес Андрей Николаевич Карамзин, который, в частности, сказал: «Мое русское сердце трепещет радостью, видя, как милое Отечество ценит великие труды, понесенные бессмертным покойником в пользу русского дела и русского слова. Как сын его, исполненный благодарности, с умилением и восторгом возношу заздравный кубок в честь первых виновников торжества, в честь благородного, просвещенного симбирского дворянства». Шумный успех имел и тост Погодина с пожеланием: «Да процветает Симбирск, да являются отсюда беспрерывно, к славе Отечества, преемники Карамзиных, Дмитриевых, Тургеневых, Языковых... Ура!»

Вечером того же дня состоялся прием у Александра Михайловича Языкова, где были Погодин, другие видные участники открытия памятника Карамзину. Там же были розданы экземпляры «Симбирского сборника», изданного в Москве Языковыми и их племянником Д.А. Валуевым, составленного из старинных документов о Симбирском крае и посвященного памяти Н.М. Карамзина.

Утром 24 августа Погодин направился в гостиницу на Большой Саратовской улице и навестил там сыновей историографа. Старший из них, 31-летний Андрей Николаевич, согласно обычаю, оделял собравшихся в коридоре нищих милостынею. Младший, 30-летний Александр Николаевич, отдал уже эту дань и в роли хозяина принимал гостей на чаепитие.

Братья Карамзины, под стать своему знаменитому родителю, были прекрасно образованы. Оба

являлись воспитанниками юридического факультета Дерптского университета, служили офицерами в гвардейской конной артиллерии, а в отставке серьезно занимались производственной деятельностью. Андрей Николаевич, женатый на вдове уральского заводчика-миллионера П.Н. Демидова Авроре Карловне, управлял ее заводами в Нижнем Тагиле, а Александр Николаевич наладил в своем нижегородском имении образцовое хозяйство и, как мог, помогал окрестным крестьянам. Братьям посчастливилось общаться с П.А. Вяземским, В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, другими деятелями литературы и искусства. Унаследовав у своего великого батюшки и просветительские привязанности, Андрей и Александр Николаевичи, а затем и их брат Владимир, да и все другие члены семьи Карамзиных, примут участие в создании в Симбирске Карамзинской общественной библиотеки.

В своем письме из Симбирска к М.А. Дмитриеву академик Погодин расценил открытие памятника Карамзину как «первое торжество в таком роде», на опыте которого, с «большим блеском» должна пройти предстоящая церемония открытия памятника Державину в Казани. «Всего нужнее гласность... надобно по всей России заранее распространить известие о дне открытия; надобно, чтобы все университеты и академии могли прислать своих представителей, чтобы заранее напечатана была книга, хоть в роде альманаха, в честь Державину, с его биографией, письмами, известиями, снимками, в молодости, в старости, с его руки, и тому подобное».

Это симбирское письмо Погодина было опубликовано уже в сентябрьском номере «Москвитянина» за 1845 год. Из приложенной к нему биографической справки о Дмитриевых, Тургеневых и Языковых особую ценность имеет высказывание академика о Н.М. Языкове: «Поэт, друг Пушкина, которого всякому стихотворению так радовался он, которого так высоко ставил Жуковский! В последнее время, получа облегчение от тяжелой болезни, он принялся опять за свою звучную лиру к удовольствию всех друзей отечественной словесности»³⁸.

³⁸ Москвитянин, 1845, № 9, с. 18.

Глава 5

ЯЗЫКОВСКИЙ ВЕНОК КАРАМЗИНУ

Рассказы родных, а затем и вернувшегося в Москву Михаила Погодина об энтузиазме, с которым в городе на Волге отмечалось открытие памятника Карамзину, воодушевляюще действовали на Николая Языкова, и за недели золотой осени он закончил обработку своих «Стихов на объявление памятника историографу Н.М. Карамзину».

Поэт еще в молодости, по мере выхода из печати произведений своего земляка и полного тезки, с наслаждением читал их, а в пору студенчества — и тщательно штудировал том за томом «Историю государства Российского». А в 1830-х годах именно Николай Языков сумел добыть у родных Карамзина сотни его писем в Симбирск к старшему брату Василию Михайловичу за 1790-е — 1825 годы. Словом, Языков прекрасно был осведомлен о жизни и творчестве историографа, а поэтического мастерства ему было не занимать. И он сумел создать светлый образ творца «истории государства Российского» — чистой, честной, мудрой, самобытной, смелой личности, самоотверженного труженика, равнодушного к блеску и почестям, чуждого мелочной обывательской суеты, великого патриота. Результатом же самоотверженного многолетнего подвижническо-

го труда Карамзина по изучению старины явилось глубокое понимание родной Руси, вылившееся в великий подвиг – написание «книги книг». Его «История» – это «текущий величаво... пленительный рассказ, и ясный и живой, как волны голубые реки, царицы русских вод, между холмов и гор, откуда он впервые увидел солнечный восход».

Используя начало державинского «Памятника», Языков со свойственным ему вдохновением чеканным слогом пророчески заявил о Карамзине:

*Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!
Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!
Покуда внятны ей родимые преданья
Давно скончавшихся веков
Про светлые дела, про лютые страданья,
Про жизнь и веру праотцов;
Покуда наш язык, могучий и прекрасный,
Их вещей, их заветный глас,
Певучий и живой, звучит нам сладкогласно,
И есть отечество у нас!*

Лаконично, но очень емко поэт воспеваает поразительное трудолюбие историографа («труду высокому обрек он неизменно все дни свои, всего себя»), восторгается его честным отношением к историческим фактам («в тиши работал он, поч-

тенный собеседник простосердечной старины, и ей сочувствуя, и правды проповедник, и не наемник новизны»). Называя творчество Карамзина «подвигом», Языков «Историю государства Российского» именует «книгой книг».

Поразительно, как Языков на полутора страничках стихов сумел сказать о многом, что раскрывает «История» Карамзина, — и о первых русских князьях, и о нашествии Батыя, и о Ледовом побоище, и о Куликовом поле... Есть место и Борису Годунову, и Шуйскому... Под впечатлением страшных картин правления Ивана Грозного, воссозданных Карамзиным, поэт с гневом осуждает царя-деспота: «Неслыханный тиран, мучитель непреклонный, природы ужас и позор!» И, как бы подытоживая карамзинские описания многострадальной истории Родины, Языков как истинный патриот призывает: «Мужайся, русская земля!»

Ярко и возвышенно восхищаясь патриотизмом Карамзина, поэт подчеркивает огромную силу его воздействия на соотичей:

*Он будит в нас огонь прекрасный и высокой,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижимый в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой, —
Любовь к своей земле.*

И как поразительно злободневно звучат строки о силе карамзинского патриотического творчества именно сейчас, в наше «смутное» время:

*...Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать ее презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе — и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов своих!*

Хочется верить, что наступит и такое время, когда сбудется пожелание Николая Языкова и о том, что в России памятников будут удостаиваться не только отличившиеся воины, но и мирные деятели, положившие свою жизнь на алтарь науки и культуры:

*Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда,
Венчаный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войне,
Стоят торжественно перед лицом народа
Уже на ровной вышине!*

Николай Языков хотел еще одним добрым делом внести вклад в увековечение памяти выдающегося литератора и историка. «По случаю объявления (так называется в нашей Библии инаугурация монументов) памятника Карамзину, — писал он 25 ноября брату Александру в Симбирск — должно издать альбом, в котором должны участвовать все русские поэты: каждый пусть напишет об нем стихи или статью! Так делали

немцы в честь Шиллера и Гейне. Похвально перенимать похвальное».

Увы, этому благородному замыслу не суждено было сбыться. Сначала из-за препятствий московской цензуры, которая разрешила публикацию погодинского «Исторического похвального слова Карамзину» и языковского стихотворения, посвященного открытию памятника в Симбирске, лишь после долгих проволочек. Только 14 января 1846 года Николай Языков смог сообщить родным в Симбирск: «Возня моя с московскою цензурою окончилась в мою пользу: вчера получил я билет на выпуск своего стихотворения». А 27 февраля поэт с удовлетворением уведомил брата Александра: «Вот тебе 15 экз. моего стихотворения «На памятник Карамзину», раздай их кому следует»³⁹.

Заботы поэта об увековечении памяти Н.М. Карамзина на родине продолжались в буквальном смысле до конца жизни. 12 декабря 1845 года, будучи уже на смертном одре, Н. Языков обратился к М.Н. Погодину, возглавлявшему журнал «Москвитянин», с просьбой: «Не можешь ли ты провозгласить в «Москвитянине» и даже «Московских новостях» о Карамзинской библиотеке, открываемой в Симбирске? Провозгласить и пригласить русских писателей жертвовать в нее свои сочинения? Книги, которые ты жертвуешь, благоволи прислать ко мне: брат (Петр. — **Ж.Т.**) отправит их в Симбирск со своим обозом. М.А. Дмитриев (литератор, отец его был прия-

³⁹ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 297, 318, 323.

телем молодого Н.М. Карамзина. — *Ж.Т.*) подарил бюст Карамзина»⁴⁰.

14 дней спустя сердце Н.М. Языкова остановилось, но последняя воля его была выполнена. В «Московских ведомостях» (1845 г., № 45) появилась пространная заметка о Карамзинской общественной библиотеке, в которой было сказано немало теплых слов и о поэте Языкове. В ней особо подчеркивалось, что ему как истинному патриоту всегда были близки просветительские начинания и что он, «страстно любя свое отечество, в нем особенно воспевал свою родину... Он не остался при одном сочувствии. Он тотчас послал в Симбирск до 20 русских сочинений, составляющих около 50 томов, нарочно им купленных для учреждаемой библиотеки... Библиотека покойного Н.М. Языкова, помещенная частью здесь (в Москве. — *Ж.Т.*), частью в его симбирском имении, простирается по крайней мере до 5000 томов. Так частная библиотека должна положить основание Карамзинской общественной библиотеке в Симбирске».

Братья поэта, сами принимавшие деятельное и живое участие в учреждении этой библиотеки, выполнили пожелание Николая Михайловича и передали ей богатейшее собрание книг и журналов — 2325 томов из его личной библиотеки. Эта страстная и бескорыстная забота о развитии просвещения и культуры была высоко оценена комитетом Карамзинской общественной библиотеки, открывшейся 18 апреля в двух комнатах

⁴⁰ Языков Н.М. Свободомыслящая лира, с. 326.

нижнего этажа недавно построенного дома Дворянского собрания. Здесь был установлен подаренный Дмитриевым бюст Карамзина, а рядом – бюст поэта Николая Языкова, внесшего решающий вклад в создание этого очага культуры.

Начиная с этого, 1848 года каждое 1 декабря – день рождения Карамзина – в здании классической гимназии по нему устраивалась панихида, а затем, уже в зале Карамзинской библиотеки, проходило годовичное собрание комитета и ревнителей просвещения.

Постепенно, но неуклонно облагораживалась и площадь, в центре которой стоял памятник. Первоначально он был обнесен деревянной решеткой, которая диссонировала с изящным произведением искусства. В 1855 году Аврора Карловна (урожденная Шернваль), вдова Андрея Николаевича Карамзина, в память о муже, погибшем во время Крымской войны, пожертвовала капитал на постройку металлической решетки вокруг памятника своему свекру, которая была изготовлена на нижнетагильском заводе Демидовых. Решетка была железная, с медными, вызолоченными сверху спицами и с украшениями прекрасной работы⁴¹.

После грандиозного августовского пожара 1864 года, когда начались большие работы по благоустройству и озеленению центра города, решено было площадь вокруг памятника превратить в сквер. В 1866 году по проекту симбирского архитектора Н.А. Любимова была произ-

⁴¹ ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 1289, л. 33.

ведена детальная планировка аллей и клумб сквера, а на следующий год вокруг сквера была установлена чугунная решетка (стоимостью 4000 рублей), отлитая по рисункам того же Любимова в мастерской симбирского мещанина Н.В. Голубкова⁴².

Через несколько лет вокруг сквера, вдоль решетки, поднялась довольно высокая зеленая изгородь из рядов желтой акации и сирени. Кустами окаймлялась и решетка вокруг памятника Карамзину. На аллеях сквера уже росли березы, вязы, рябины, вишни и даже дикие груши – дули, со сладкими плодами, которыми охотно лакомились ребята. Небезынтересен в связи с этим случай, о котором рассказывает в своей брошюре для садоводов известный краевед С. Рогозин. Американский профессор Е. Гибб и его спутник Бодд, путешествуя в 1882 году по Волге, во время посещения Симбирска и, в частности, Карамзинского сада, чрезвычайно удивились, что здесь, под широтой 54⁰, они «в первый раз встретились с обширной грушевой культурой в холодном климате. Там (в Симбирске. – *Ж.Т.*) в фруктовых садах, – как они заметили, – должно быть... до 10000 деревьев»⁴³. По возвращении в Америку профессор обратился в Симбирск с просьбой доставить ему черенки дикой груши для разведения на подвои. (Эта заявка, как и из германского города Эрфурта, симбирянами была выполнена.)

⁴² Симбирские губернские ведомости, 1871, № 21, 13 марта.

⁴³ Поволжская помология для практиков. Составил С. Рогозин. Сенгилей, 1924, с. 88.

К этому времени в Карамзинском сквере стояли скамейки, а в северо-восточном углу и деревянная беседка под железной крышей. Вдоль внешней ограды деревянные тротуары были уже заменены асфальтовыми. Керосиновые фонари освещали вход в сквер, но с наступлением темноты сторож железной цепью закрывал ворота на замок. Днем же здесь, по словам А.И. Ульяновой-Елизаровой, полагалось гулять чинно⁴⁴. В учебное время сюда постоянно забегали ученики рядом расположенной классической гимназии. В погожие дни в сквере можно было провести часть большой перемены. А изящный памятник Карамзину неизменно украшал вид из окон гимназии, в частности, из окон 8 класса, где учился в 1886-1887 годах выпускник Владимир Ульянов.

⁴⁴ Ульянова-Елизарова А.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988, с. 30.

Глава 6

ВЕЛИКОЛЕПНОМУ ПАМЯТНИКУ — СТОЯТЬ ВЕКА!

Советское и большевистское руководство, разместившееся после победы Великой Октябрьской социалистической революции в «Доме Свободы» (бывшей губернаторской резиденции), вполне лояльно относилось к расположенному рядом памятнику Н.М. Карамзину, хотя и воздвигнутому «повелением императора Николая I».

Но в начале 1930-х годов, когда в стране ретивыми чиновниками была развернута кампания разрушения культовых сооружений, нависла угроза и над памятниками тем деятелям, которых функционеры от учреждений культуры причисляли к певцам или идеологам самодержавного деспотизма и реакционного дворянства. В Казани был уничтожен памятник Г.Р. Державину работы С. Гальберга и А. Тона, почти столетие стоявший в университетском дворе...

Нависла и угроза над памятником Карамзину в Ульяновске. Какие-то хулиганствующие элементы, то ли по своей прихоти, то ли по чьей-то подсказке, нанесли памятнику серьезный ущерб: были «сбиты верхние окончания штоков ограды, уничтожены два ее кронштейна, сделано несколько выколов гранита пьедестала, уничтожена надпись на пьедестале, сняты гайки крепления обо-

их барельефов, уничтожена позолота верхних окончаний ограды и свинцовая расчеканка швов гранитных блоков»⁴⁵.

К счастью, памятник все-таки уцелел, и, по свидетельству Николая Ивановича Мяси́на, работавшего архитектором в Ульяновском облисполкоме, в 1944 году, при его участии, на заводе им. Володарского были отлиты из бронзы (правда, без позолоты) буквы текста для памятника Карамзину. Но кто-то понял текст «1844 годъ» как «1844 года», и в таком искаженном виде надпись мы видим и поныне.

В 1967 году опытный московский реставратор Л.Я. Урис привел в порядок все скульптурные части памятника: сохранив основную патину (зеленовато-коричневый налет, образующийся на бронзе в результате окисления), он заново перепатинировал статую Клио, бюст Карамзина и оба барельефа. Кроме того, он гидроизолировал места крепления якорных болтов плинта, заделал в пяти местах трещины и выбоины на граните эпоксидной смолой, затертой обожженным строительным кирпичем, а также швы между гранитными блоками («под свинец»). По чертежам реставратора на Ульяновском моторном заводе заново были изготовлены 12 шишек для штоков ограды, 2 кронштейна и 8 крепежных (торцовых) гаек барельефов. Вся ограда была окрашена защитной черной эмалью⁴⁶.

⁴⁵ Фонды Ульяновского областного управления культуры, № 245. Паспорт на памятник Н.М. Карамзину, 1974, с. 15. Составил А.Н. Блохинцев.

⁴⁶ Там же, с. 15.

Казалось бы, положено научное начало тщательной охране редкого и дорогого памятника и окружающей исторической среды. Увы, начало оказалось только приятным эпизодом, ибо у памятника не нашлось заботливого и компетентного хозяина. Поэтому стал возможным такой недавний удручающий акт, как очищение статуи Клио от патины, чего делать-то не полагается.

Тревогу общественности вызывала судьба Карамзинского сквера. Руководство горзеленстроя, начиная в 1983 году его реконструкцию, вырубало деревья и кустарники, руководствуясь, как отметил краевед доцент С.Л. Сытин в своей записке «О Карамзинском сквере и памятнике Н.М. Карамзину», только одной, но «ложной идеей максимального «раскрытия» памятника Карамзину», вместо того чтобы следовать рекомендациям института «Росреставрация», предусматривавшим восстановление сквера таким, каким он сформировался в 80-х годах XIX века.

Эта критика С.Л. Сытиным небрежения к историческому прошлому правомерна. Но с дальнейшими рассуждениями краеведа о том, что памятник «должен быть объектом своего рода «камерного» осмотра», поскольку Н.М. Карамзин был «реакционным дворянским историком», трудно согласиться. Особенно после того, как вчитываешься в следующие рекомендации записки: «Над зеленой изгородью... должна просматриваться лишь фигура музы истории Клио, венчающая памятник. Верноподданнические горельефы не должны привлекать внимание.

Необходимо устранить из всех последующих изданий путеводителей и любых книг об Ульяновске описание этих горельефов, прославляющих даже не Карамзина, а российское самодержавие в лице одного из самых отвратительных представителей – Николая I.

Нет надобности в рассказе о содержании этих барельефов и при проведении экскурсий – достаточно указания на то, что они в весьма условной форме показывают эпизоды из жизни Карамзина».

Эта записка разослана краеведом в музеи, а также руководителям города и области 5 марта 1985 года. Но, как и следовало ожидать, экскурсоводы по-прежнему объясняют слушателям, какие именно события из жизни историографа запечатлены на «верноподданнических горельефах». И если бы даже кому-то удалось возвести «зеленую изгородь», чтобы скрыть их от любопытного взора, то такая попытка тоже была бы тщетна. Как бы то ни было, а великолепный памятник стоит во всей своей красе и, как ему и долженствует, продолжает будить чувства и мысли всякого подошедшего к нему человека.

Самого же Карамзина за минувшие полтора столетия уже не раз как бы возносили на пьедестал и свержали с него. Громкую славу создали ему «Бедная Лиза», «Записки русского путешественника» и, конечно, «История государства Российского». Оценивая творчество Николая Михайловича, В.Г. Белинский подчеркивал: «К чему ни обратитесь в нашей литературе – всему начало положено Карамзиным: журналистике,

критике, повести-роману, повести исторической, публицизму, изучению истории»⁴⁷. А.С. Пушкин, имея в виду главный труд историографа, с восхищением писал: «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом... у нас никто не в состоянии исследовать огромное значение создания Карамзина... «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека»⁴⁸.

Вклад Н.М. Карамзина в литературу и историю высоко ценили Г.Р. Державин, И.И. Дмитриев, В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, Н.М. Языков, П.Я. Чаадаев, П.А. Вяземский, П.В. Анненков, М.М. Сперанский, М.П. Погодин и многие другие выдающиеся современники. Безусловно, в глазах общества имело значение и внимание, оказываемое историографу Александром I и Николаем I, которым импонировали его идеи о благодатной роли самодержавия в создании сильного государства, а также суждения в пользу сохранения основ крепостничества.

Но что так по душе было монархам и реакционному дворянству, то не могло не вызывать чувства протеста у демократической России. И хотя Карамзин в «Истории государства Российского» гневно заклеил тиранию Ивана Грозного и ужасы опричнины, тайное злодейство Бориса Годунова и вообще произвол и деспотизм власть имущих, тем не менее деятели освободо-

⁴⁷ Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 томах. Т. 8. М., 1982, с. 164.

⁴⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 томах. Т. 7. Л., 1978, с. 44-45.

дительного движения нередко называли Карамзина «монархистом», «реакционером» и «идеологом реакционного дворянства».

В советской литературе это вульгарно-социологическое отношение еще более укрепилось. Неудивительно, что снизилось внимание и к творческому наследию Карамзина: мало кто читал в школьные годы что-либо, кроме «Бедной Лизы». Но справедливость все же восторжествовала, и начиная с 60-х годов интерес к личности и творчеству нашего выдающегося земляка неизменно ширится. Достаточно сказать, что только в 1980-х годах вышли массовыми тиражами три фундаментальных исследования о нем: «Последний летописец» Н. Эйдельмана, «Три жизни Карамзина» Е. Осетрова и «Сотворение Карамзина» Ю. Лотмана. В различных городах страны выходит «История государства Российского», причем каждое из изданий превосходит по объему тиража все вместе взятые издания этого труда, выходившие в дореволюционной России. На наших глазах Н.М. Карамзин становится читаемым писателем далекого прошлого.

Секрет воскрешения популярности «первого нашего историка и последнего летописца» (Пушкин) не в последнюю очередь объясняется одухотворенностью личности Николая Михайловича, примером его самозабвенного труда во имя родного Отечества и гуманизирующим влиянием на развитие великой российской культуры.

Безукоризненная честность, принципиальность, гражданственность и мужество Николая

Михайловича проявились и в тех эпизодах его жизни, которые в аллегорической форме изображены на барельефах памятника в родном городе.

Конечно, если экскурсовод, показывая на левый (северный) барельеф, ограничится объяснением, которое содержится во многих справочных изданиях, а именно, что здесь изображено «чтение Карамзиным отрывков из своей «Истории» перед императором Александром I во дворце Екатерины Павловны в Твери 18 марта 1811 года», то у несведущего слушателя может сложиться впечатление о довольно близких отношениях историографа с самим императором.

На самом же деле Александр I, вследствие настояния своей сестры (жены тверского губернатора), тогда впервые удостоил Карамзина чести быть рядом с собой. Императора заинтересовали главы о нашествии татаро-монгольских полчищ, битве на Куликовом поле и славном князе Дмитрии Донском. Но в ходе развернувшейся после чтения беседы добродушный Карамзин осмелился не согласиться с некоторыми мыслями монарха о самодержавии... Александр I внешне ничем не выразил недовольствия и даже намекнул, что историографу с семьей нет нужды жить в наемном доме: «дворец Аничковский довольно велик...». В такой атмосфере, уже в конце вечера, Карамзин решился вручить царю свою сокровенную записку «О древней и новой России» с многозначительным эпиграфом: «Несть льсти в языке моем». Наутро же, прощаясь с обитателями дворца сестры, Александр I даже не подошел к Карамзину, а

только издали кивнул ему. Для окружающих стало ясно: историограф попал в опалу...⁴⁹.

Так что же в записке не понравилось монарху и столь круто изменило его отношение к ее именитому автору? Прежде всего – бесстрашные обличительные характеристики всех царственных особ. Признавая величие Петра I, Карамзин подробно рассматривает «вредную сторону его блестящего царствования», с упреком констатируя, что «тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного», что, пытаясь «сделать Россию Голландией», Петр I «не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государства», что ошибкой был и перенос столицы России в северный край.

Еще более резкой критике был подвергнут век Елизаветы и Екатерины, когда страной фактически правили временщики и фавориты: нравы еще «более развратились в палатах и хижинах». Время царствования Павла I признано им как «вредное», но и оно было пресечено «способом вредным» – заговорщики, гвардейские офицеры, ночью убили его... Если учесть, что для многих не было тайной участие Александра I в заговоре против отца, то можно себе представить чувства, которые обуревали Александра I во время чтения этого места карамзинской «Записки». А ведь в ней содержались и нелицеприятные суждения о порядках уже нынешнего царствования: «Россия

⁴⁹ Осетров Е. Три жизни Карамзина. М., 1985, с. 225.

наполнена недовольными», правительство передало власть губернаторам — «глупцам или грабителям, что, в свою очередь, породило «всякие злоупотребления» чиновников всех ведомств. Не пощадил историограф и основ российской внешней политики, упрекнув, по существу, самого императора в попустительстве гегемонистским устремлениям Наполеона, приведшим к установлению его господства в Европе⁵⁰.

Конечно, в «Записке» содержались и комплименты Александру I, и учтиво изложенные советы по совершенствованию системы государственного управления. Карамзин искренне надеялся, что широкое развитие просвещения ускорит освобождение крестьян, а пятьдесят тщательно подобранных умных и добросовестных губернаторов смогли бы обуздать «хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких», верил, что они «восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленников, сохраняют пользу казны и народа».

Таково краткое содержание «Записки», поданной Карамзиным Александру I в марте 1811 года в Твери. Замечу, что в 1819 году Николай Михайлович подаст императору новую записку — «Мнение русского гражданина», вызвавшую еще большее недовольство императора...

Тем не менее Александр I смирил свою гордыню и до самой своей кончины в ноябре 1825 года, постигшей его в Таганроге, по крайней мере внешне, лояльно относился к Карамзину, награж-

⁵⁰ Эйдельман Н. Последний летописец. М., 1983, с. 68.

дал его орденами и чинами, способствовал изданию «Истории государства Российского».

На барельефе с правой (южной) стороны памятника историограф изображен на смертном одре в окружении своих близких. Стоящая перед ним Фортуна (богиня счастья, удачи и судьбы у древних римлян) сыплет из рога изобилия монеты, которые подбирает ребенок. Вот как комментирует этот сюжет известный наш краевед А.Н. Блохинцев:

«Здесь в иносказательной форме отражен достоверный факт из последних дней жизни Карамзина, когда 13 мая 1826 года ему, тяжелобольному, император пожаловал пятьдесят тысяч рублей на поездку в Италию на излечение, для чего было приказано снарядить один из кораблей военно-морского флота. Но историк умер через девять дней после этого, 22 мая 1826 года, деньги были обращены в ежегодную пенсию его семейству, детям. Карамзин изображен на горельефе с останавливающим жестом, направленным к Фортуне и словно говорящим, что все ее дары запоздали и умирающий не может воспользоваться ими»⁵¹.

Этот комментарий нуждается в дополнении и некоторых уточнениях. Упоминаемый в нем император – это уже Николай I, утвердившийся на престоле после подавления восстания 14 декабря 1825 года.

⁵¹ Блохинцев А.Н. «И жизни след оставили своей...». Саратов, 1985, с. 109.

Н.М. Карамзин к восстанию отнесся поначалу отрицательно, но узнав, что там участвовали братья Н. и А. Муравьевы, Н. Бестужев и другие светлые личности, он смело и как бы полуоправдываясь заявил новому императору: «Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века». Более того, Николай Михайлович вместе с другом поэтом В.А. Жуковским пытался облегчить участь некоторых декабристов и добился также того, что Пушкин был возвращен в столицу из Михайловской ссылки⁵².

Николай I стремился приблизить к себе историографа — глашатая правительственного курса, чтобы тем самым показать обществу намерения продолжать либеральные начинания покойного брата-императора. Он просил Карамзина принять участие в составлении важных «бумаг государственных» и намекал на возможность получить пост министра. Но Николай Михайлович, ссылаясь на свое нездоровье и необходимость завершить 12-й том «Истории государства Российского», уклонился от лестных предложений царя.

Между тем прогрессирующая болезнь грозила перерасти в хроническое воспаление и отек легких, и Карамзин, по настоянию Жуковского и родных, 22 марта 1826 года просит у царя пост русского консула во Флоренции, обещая свое лечение там совмещать с представлением правительству обстоятельных корреспонденций о жиз-

⁵² Эйдельман Н. Последний летописец, с. 143.

ни Европы. Николай I, не без влияния своей матери, глубоко уважавшей Карамзина, заявил в ответ, что «российский историограф» может во Флоренции заниматься только своими делами.

Вот при каких обстоятельствах 13 мая появился (составленный В.А. Жуковским) царский рескрипт на имя министра финансов, согласно которому Н.М. Карамзину было пожаловано, по случаю отъезда «за границу для излечения своего здоровья, по пятидесяти тысяч рублей в год, с тем, чтобы сумма эта, обращаемая ему в пенсион, была после него производима сполна его жене и по смерти ее также сполна детям — сыновьям до вступления всех их в службу, а дочерям до замужества последней из них»⁵³.

Эта громадная сумма, как видим, являлась не разовым пособием для поездки на лечение в Италию, а постоянной пенсией Карамзину и его семье. Родные не сразу сообщили тяжело больному Николаю Михайловичу об этом пожаловании, и более или менее удобный момент был выбран только через два дня после появления рескрипта. Ответ он промолвил: «Это уже слишком много». В письменной же благодарности на имя Николая I Карамзин в учтивой форме выразил почти ту же мысль: «Благодеяние чрезмерно: желания так далеко не простирались»⁵⁴.

Историографа сильно смущала эта неслыханная щедрость, ведь он долгие годы получал от Александра I только 2 тысячи в год. Но, как

⁵³ Старчевский А. Н.М. Карамзин, с. 264.

⁵⁴ Там же, с. 264.

справедливо подметил исследователь Н. Эйдельман, Николай Михайлович догадывался, что пожалованные 50 тысяч — не столько для него, сколько для молвы: «Дело понятное: литература очень напугана арестами, следствием над Рылевым, Бестужевым, Кюхельбекером, Грибоедовым, Корниловичем, Одоевским и другими писателями, журналистами; словесность вообще на подозрении и ждет худшего, а царский подарок Карамзину успокаивает лояльных и привлекает колеблющихся...» Карамзин распознал подоплеку оказанной ему царем милости и, по свидетельству Александра Тургенева, был рассержен «за пенсию»⁵⁵.

С учетом этих обстоятельств, никак нельзя ограничиться объяснением, что жест левой руки Николая Михайловича, направленный к Фортуне на правом барельефе симбирского памятника, выражает лишь сожаление о невозможности лично воспользоваться посыпавшимися дарами. Поскольку это благодеяние обеспечивало его семью, Карамзин, как и любой таким образом одариваемый, к тому же и чуя скорую кончину, наверное, должен был быть преисполненным благодарности, что и выразилось бы в соответствующем этому чувству жесте. А если жест на барельефе — и не сожаление об опоздании дара, и не благодарность за обеспечение жены и детей, то что же? Зная отношение Карамзина к рескрипту, можно считать движение его руки выражением сложной гаммы чувств, включающей в себя и

⁵⁵ Эйдельман Н. Последний летописец, с. 145.

некоторое смущение скромного труженика перед «чрезмерными» для него суммами, и нежелание стать объектом неслыханной щедрости монарха, поставившей раздел между ним и опальной свободолюбивой интеллигенцией России.

Оба барельефа, созданные Гальбергом и его учениками и отлитые под руководством Клодта, — истинные произведения искусства. И все-таки они — лишь украшения монумента. Основным же его элементом, по мысли самого скульптора, является величественная фигура Клио.

Обычно муза истории изображается в виде молодой женщины с лавровым венком на голове и свитком папируса в руке. На одном из древнейших барельефов, хранящемся в парижском Лувре, Клио стоит, облокотившись на колонну, и, придерживая левой рукой книгу, читает ее.

Гальберг создал свой образ музы истории специально для памятника Карамзину: Клио правой рукой возлагает на жертвенник бессмертия скрижали «Истории государства Российского», а в левой руке держит трубу, с помощью которой она намерена громко вещать о славных страницах жизни древней и новой России.

Свой замысел скульптор выполнил чрезвычайно искусно и высокохудожественно, и всякий, кому довелось видеть памятник Карамзину, наверное, согласится с мнением биографа Гальберга: «Муза истории Клио стоит в спокойной, естественной позе, с грустным лицом. На ее высокой стройной фигуре хитон и плащ. Пышные драпировки одежд не только не скрывают красоты ее тела, но, наоборот, ясно обрисовывают

формы. Гальберг решил статую, учитывая обозрение ее со всех сторон. Наклон головы, согнутая в колене и слегка отставленная назад левая нога, плавно льющиеся линии драпировок создают удивительно гармоничный образ музы»⁵⁶.

Ну а как же решен скульптурный портрет самого историографа? Используя в качестве образца простоту и героическое начало античных скульптур, бюст Карамзина ученики Гальберга мастерски вылепили «по типу гермы — прямая посадка головы, обнаженная грудь, срезанные плечи», проявив себя при этом вдумчивыми и проницательными художниками⁵⁷.

К бюсту Карамзина вполне приложима оценка драматурга Н.В. Кукольника, данная им скульптурному портрету Пушкина, изваянному Гальбергом в 1837 году по самим же им снятой маске с лица только что почившего вечным сном великого поэта: «всякий будет поражен сходством, правдой, простотой и отделкой бюста».

Отмечая умение Гальберга «уловить лучший, характерный для лица момент», критика подчеркивала также, что благодаря этому скульптор достигает поразительного сходства и «бюсты его дышат, едва не говорят...»⁵⁸.

Всмотримся же внимательно в скульптурный портрет Карамзина. Талантливым ученикам

⁵⁶ Мроз Е. С.И. Гальберг, с. 19.

⁵⁷ С веком наравне. Книга и скульптура. Т. 3. М., 1974, с. 113.

⁵⁸ Карпова Е. Скульптор пушкинской поры. Художник, 1988, № 1, с. 36.

Гальберга Николаю Рамазанову и Константину Климченко удалось глубокое и тонкое проникновение в образ историка-писателя, неутомимого ученого-труженика, бесстрашного искателя истин, страстного просветителя-энциклопедиста, пламенного патриота России. Открытый, смелый, честный и вместе с тем внимательный и вдумчивый взгляд, устремленный вдаль, как бы в глубь веков, слегка сдвинутые брови и морщины на высоком лбу явствуют о напряженной работе души и мысли. Взгляд неравнодушный, отягощенный переживаниями, выражающий как бы озабоченность судьбами Родины, и вместе с тем мудрый, по-отечески призывающий грядущие поколения: «Трудитесь умом, играйте воображением, живите сердцем...»

И каждое новое поколение черпает в творческом наследии историографа актуальные для себя суждения. Так, нетрудно представить, с каким воодушевлением комментировал директор народных училищ Симбирской губернии Илья Николаевич Ульянов родным, знакомым, всем ревнителям просвещения 192-ю и 193-ю страницы изданного в Симбирске в 1867 году сборника «Симбирский юбилей Николая Михайловича Карамзина. 1 декабря 1766-1866 года», где приводились близкие ему по духу мысли писателя-историка.

«Народные школы могут и должны быть полезнее всех академий в мире, действуя на первые элементы нации; и смиренный народный учитель, который детям бедности и трудолюбия изъясняет буквы, арифметические числа и рас-

сказывает в простых словах любопытные случаи истории или, развертывая моральный катехизис, доказывает, сколь нужно и выгодно человеку быть добрым, — в глазах философа почтен не менее метафизика... мудрого натуралиста, физиолога, астронома, занимающих своею наукою только некоторую часть людей.

Если в городах, в сем новом творении Екатерины, еще не представлялось глазам ни палат огромных, ни храмов великолепных, то, в замену сих иногда обманчивых свидетельств народного богатства, взор патриота читал на смиренных домиках любезную надпись: НАРОДНОЕ УЧИЛИЩЕ, и сердце его радовалось».

А как полезно «демократам» левого и правого толка, специализирующимся сейчас на очернении истории Советского государства, вдуматься в предостерегающие российских Иванов, не помнящих родства, слова Карамзина: «...мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, — а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут... Надо знать себе подлинную цену. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее, но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благодарной гордостью»⁵⁹.

⁵⁹ Карамзин Н.М. Избр. соч. Т. 2. М., 1964, с. 283.

В России имеется еще один памятник Н.М. Карамзину — в подмосковном Остафьево, близ Подольска, где находилось имение поэта князя П.А. Вяземского, брата жены писателя-историка. Здесь Николай Михайлович почти 12 лет работал над главным трудом своей жизни. Стены дома, где он творил, видели В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Адама Мицкевича, других видных литераторов. В знак признательности тем из них, кто сделал Остафьево «Русским Парнасом», в 1911-1913 годах на аллее парка были установлены памятники Карамзину, Пушкину, Жуковскому и Вяземскому.

Памятник Николаю Михайловичу выполнен в реалистической манере: невысокий постамент с его барельефом, обрамленным лавровыми ветвями, а сверху постамента помещены семь бронзовых томов «Истории государства Российского», которые творились здесь, в Остафьево. В господском доме Вяземских был создан музей с мемориальным кабинетом историографа. В 30-х годах музей был ликвидирован, а экспонаты розданы в различные учреждения культуры.

Не повезло и единственному зданию в Ульяновске, в котором некогда жил В.М. Карамзин, старший брат историографа: полтора десятилетия назад этот двухэтажный каменный дом, стоявший невдалеке от бровки волжского косогора перед корпусом общежития педагогического института, был снесен. Напоминаю, что контуры этого дома Карамзиных 15 сентября 1833 года, перед тем как покинуть Симбирск, начертал себе

на память А.С. Пушкин. Но остатки фундамента исторического здания еще целы. В архиве сохранились подробнейшие чертежи, по которым можно точно воссоздать дом, с тем чтобы впоследствии создать первый в стране мемориальный музей Николая Михайловича Карамзина.

Н.М. Карамзин

Клио

Н.М. Карамзин

Барельеф на пьедестале памятника
Н.М. Карамзину

Бюст
Н.М. Карамзина
в нише пьедестала

Барельеф на пьедестале памятника
Н.М. Карамзину

Н.М. Карамзин

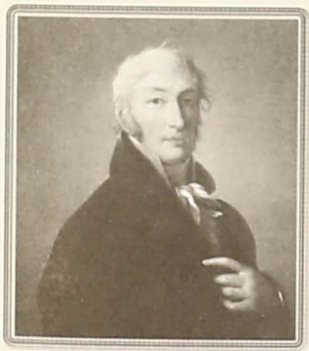
Н.М. Карамзин

Н.М. Карамзин

Н.М. Карамзин

Н.М. Карамзин

Е.А. Карамзина

С.Н. Карамзина

В.Н. Карамзин

Александр Н. Карамзин

А.К. Карамзина

Андрей Н. Карамзин

А.И. Тургенев

В.М. Карамзин

Дом Языковых

Спасская улица. Справа дом Языковых

Симбиряне, участники подписки на памятник
Н.М. Карамзину

П.М. Языков

П.Н. Ивашев

А.М. Языков

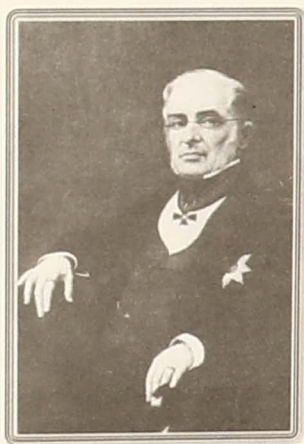

Н.М. Языков

Симбиряне, участники подписки на памятник
Н.М. Карамзину

П.И. Юрлов

М.А. Дмитриев

Д.Е. Бенардаки

Д.П. Ознобишин

Симбиряне, участники подписки на памятник
Н.М. Карамзину

А.М. Загряжский
с женой

Г.В. Бестужев

А.И. Тургенев

А.Л. Киндяков

В.Л. Киндяков

Симбиряне, участники подписки на памятник
Н.М. Карамзину

Ю.С. Хованский

М.П. Баратаев

П.А. Кикин

Н.П. Аксаков

Литераторы, участники подписки на памятник
Н.М. Карамзину

в Московском обществе любителей
 на сооружение памятника Карамзину
 в С.-Петербурге.

Н. Замыслов — 100 руб.
 А. Бунин — 100 руб.
 Д. М. С. Кузьминский — 1000.
 Г. М. Писарев — 100 руб.
 В. М. Писарев — 100 руб.
 Огарев — 100 руб.
 Пушкин — 100 руб.
 Тютчев — 100 руб.
 Фет — 100 руб.
 Давыдов — 100 руб.
 В. М. — 100 руб.
 Граф Киселевич — 100 руб.
 Граф Хвостов — 50 руб.
 Беневитинский — 100 руб.
 3275

Подписной лист на сооружение памятника
 Н.М. Карамзину.
 Здесь подлинные подписи Пушкина и Гоголя

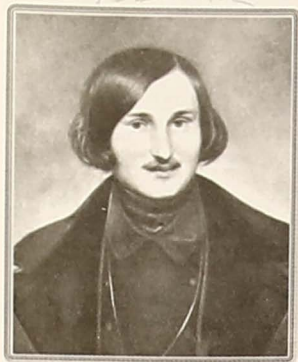
Литераторы, участники подписки на памятник
Н.М. Карамзину

И.И. Дмитриев

А.С. Пушкин

Н.В. Гоголь

И.А. Крылов

В.А. Жуковский

П.А. Вяземский

Мих. Ю. Виельгорский

Матв. Ю. Виельгорский

П.А. Плетнев

Ф.Ф. Вигель

С.С. Уваров

С.С. Кушников

Н.А. Рамазанов

Н.В. Гоголь среди
русских художников
в Риме

П.А. Ставассер

П.К. Клодт

П.К. Клодт

С.И. Гальберг

С.И. Гальберг

Бюст Гоголя.
Скульптор
Н. Рамазанов

Бюст А.С. Пушкина
работы С. Гальберга

Посмертная
маска
А.С. Пушкина,
снятая
С. Гальбергом

А.Н. Оленин

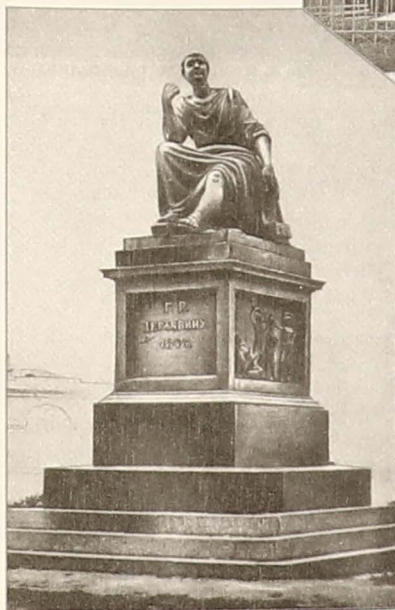

М.П. Погодин

Спасская улица. Справа виден дом Языковых

Памятник
Н.М. Карамзину
в Симбирске

Памятник
Г.Р. Державину в
Казани. Скульптор
С. Гальберг

Вид на Карамзинскую площадь и мужскую гимназию

Вид на Карамзинскую площадь, памятник Н.М. Карамзину

Вид Симбирска с Ярмарочной площади

Дворцовая (ныне К. Маркса) улица;
в конце виден Карамзинский сквер

Вид на памятник Н.М. Карамзину
и женский Спасский монастырь

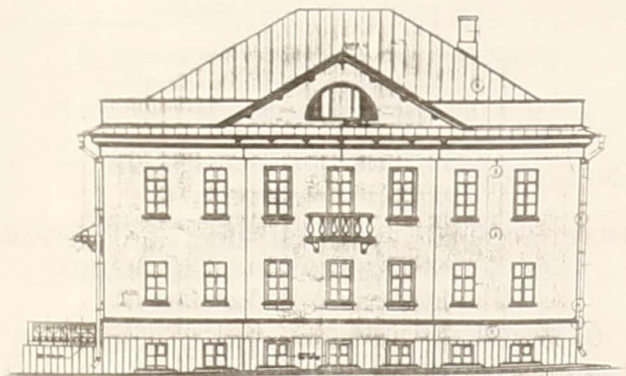
На заднем плане видна Никольская церковь

На заднем плане виден губернаторский особняк

Памятник Н.М. Карамзину. Современный вид

Дом Карамзиных в Симбирске. Чертеж

Памятник Н.М. Карамзину
в подмосковном Остафьево

Могилы Н.М. Карамзина и
В.А. Жуковского в Петербурге

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н.М. Языков

СТИХИ НА ОБЪЯВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА ИСТОРИОГРАФУ
НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАРАМЗИНУ¹

(Посвящается А.И. Тургеневу)²

Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный³,
Достойный праведных похвал,
И краше, чем кумир иль столб каменосечный,
И тверже, чем литой металл!
Тот славный памятник, отчизну украшая,
О нем потомству говорит
И будет говорить, покуда Русь святая
Самой себе не изменит!
Покуда внятны ей родимые преданья
Давно скончавшихся веков
Про светлые дела, про лютые страданья,
Про жизнь и веру праотцов;
Покуда наш язык, могучий и прекрасный,
Их вещей, их заветный глас,
Певучий и живой, звучит нам сладкогласно,
И есть отечество у нас!

Любя отечество душою просвещенной
И славу русскую любя,
Труду высокому обрек он неизменно
Все дни свои, всего себя;

¹ Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. Л., 1988, с. 360-363.

² Тургенев Александр Иванович (1784-1845) – симбирский уроженец, историк и литератор.

³ «Он памятник воздвиг себе чудесный, вечный» – видоизмененная цитата из стихотворения Г.Р. Державина «Памятник».

И, полон им одним и с ним позабывая
Призыв блистательных честей,
И множество сует, какими жизнь мирская
Манит к себе, влечет людей
В свои объятия, и силу, и отвагу,
И жажду чистого труда,
И пылкую любовь к отечеству и благу
Мертвит и душит навсегда, —
В тиши работал он, почтенный собеседник
Простосердечной старины,
И ей сочувствуя, и правды проповедник,
И не наемник новизны!
Сказанья праотцов судил он нелукаво,
Он прямодушно понимал
Родную нашу Русь — и совершил со славой
Великий подвиг: написал
Для нас он книгу книг — и ясною картиной
В ней обновились старина.

Вот первые князья с варяжскою дружиной,
И веют наши знамена
У цареградских стен! Вот Русь преображает
Владимир — солнце древних лет,
И с киевских высот ей царственно сияет
Креста животворящий свет!
Вот Ярослав, вот век усобицы кровавой,
Раздор и трата бодрых сил;
Вот благодушные и смелые Мстиславы,
И Мономах, и Даниил!
Вот страшный божий гнев: по всей земле тревога
И шумны полчища татар;
Им степь широкая как тесная дорога;
Везде война, везде пожар,
И русские князья с поникшими главами
Идут в безбожную Орду!
Вот рыцарство меча с железными полками
И их побоище на льду;

Великий Новгород с своею бурной волей,
И Псков, Новугороду брат;
Москва, святитель Петр и Куликово поле;
Вот уничтоженный Ахмат;
Великий Иоанн, всей Руси повелитель, —
И вот наш Грозный, внук его,
Трех мусульманских царств счастливый покоритель —
И кровопийца своего!
Неслыханный тиран, мучитель непреклонный,
Природы ужас и позор!
В Москве за казнью казнь; у плахи незаконной
Весь день мясничает топор.
По земским городам толпа кромешных бродит,
Нося грабеж, губя людей,
И, бешено-свиреп, сам царь ее предводит,
Глава усердных палачей!
И ты, в страданиях смертельных цепenea,
Ты все кровавые дела,
Весь дикий произвол державного злодея,
Спокойно ты перенесла,
Святая Русь! Но суд истории свободно
Свой приговор ему изрек;
Царя-мучителя он проклял всенародно
Из рода в род, из века в век!
Вот сын тирана — царь-смирениик молчаливый,
Молитва, пост и тишина,
И отдохнул народ под властью незлобивой,
И царству слава отдана.
Правитель Годунов; вот сам он на престоле;
Но тень из гроба восстает,
И гибнет царь Борис: его не любит боле,
Его не хочет свой народ!
Бродяга царствует, воспитанник латинства,
Он презирает наш закон,
В Кремле он поселил соблазны и бесчинства,
Ночных скаканий шум и звон,

И песни буйные, и струнное гуденье...
Но чу! набат и грозен крик!
И бурно в Кремль идет народное волнение...
Долой венчанный еретик!
Вот Шуйский, мятежи – и самозванец новый,
Клеврет строптивых поляков;
Вот Михаил Скопін и братья Ляпуновы!
Вот сотня доблех чернецов,
Противу тьмы врагов громовая твердыня.
В Москве знамена короля...
В плену священный Кремль... поругана святыня.
Мужайся, Русская земля!

Великий подвиг свой он совершил со славой!
О! сколько дум рождает в нас,
И задушевных дум, текущий величаво
Его пленительный рассказ,
И ясный и живой, как волны голубые
Реки, царицы русских вод,
Между холмов и гор, откуда он впервые
Увидел солнечный восход!
Он будит в нас огонь прекрасный и высокой,
Огонь чистейший и святой,
Уже недвижимый в нас, заглохший в нас глубоко
От жизни блудной и пустой, –
Любовь к своей земле. Нас, преданных чужбине,
Красноречиво учит он
Не рабствовать ее презрительной гордыне,
Хранить в душе родной закон,
Надежно уважать свои родные силы,
Спасенья чаять только в них,
В себе – и не плевать на честные могилы
Могучих прадедов своих!
Бессмертен Карамзин! Его бытописанья
Не позабудет русский мир,
И памяти о нем не нужны струн бряцанья,

Не нужен камень иль кумир:
Она без них крепка в отчизне просвещенной...
Но слава времени, когда
И мирный гражданин, подвижник незабвенный
На поле книжного труда,
Венчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войне,
Стоят торжественно перед лицом народа
Уже на ровной вышине!

25 октября 1845 г.

Д.П. Ознобишин

ПАМЯТИ КАРАМЗИНА⁴

Он здесь! Он вечно наш! Изображенье Клии
Отныне передаст в позднейши времена
И дар Царя и дань признательной России
К трудам Карамзина.

Как древле Геродот средь шумных игр Эллады
Рассказом сладостным народы увлекал
И юный Фукидид, вперив на старца взгляды,
Рыдал и трепетал;

Так русский юноша, теперь идущий мимо,
Взглянув на этот лик, сияющий в меди,
Любовь к отечеству, – сей огонь неугасимый
Восчувствует в груди.

⁴ Ознобишин Д.П. Стихотворения. М., 1992, с. 206-207.

В ней вдруг пробудится неведомая сила
Высоких подвигов, чем втайне мысль кипит,
И, как птенец орла, свои расширив крыла,
Он к солнцу взлетит!
А ты, на чьих берегах замолкнул звук булата,
Два царства падшие омывшая волной,
Ты, мирно льющая обилие и злато,
Ликуй: он пестун твой!

Да, Волга, он твой сын! Когда иноплеменный
Нас спросит: «Это кто?» Мы гордо скажем: «Тот,
Кому приветливо внимал Благословенный
Средь царственных забот!

Кто время Грозного, бесстрастный и свободный,
Деянья темные потомству передал;
Впервые нам раскрыл язык простонародный;
Русь – миру указал!

Кто щедро взысканный, мечтал и дней в закате
О славе родины, когда язык немел!
Над кем монарх скорбел, и в сделанной утрате
Россией сиротел».

1845 г.

УКАЗАТЕЛЬ НЕКОТОРЫХ ИМЕН, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Александр I Павлович (1777-1825) – император России 1821-1825 гг. 16, 23, 34, 43, 70, 72, 73, 74, 77

Андреев-Бурлак Василий Николаевич (1843-1889) – гениальный актер, создатель Пушкинского театра в Москве, автор книги «На Волге». 7

Анисимов Степан Леонтьевич – «монументальный мастер», заготовивший в Финляндии гранитные камни, из которых им был вырублен пьедестал памятника Н.М. Карамзину. Он же летом 1845 г. произвел и установку памятника в Симбирске. 36, 39

Анненков Александр Николаевич – гвардии поручик, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Анненков Василий Александрович – коллежский секретарь, отец литератора П.В. Анненкова, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Аржевитинов Иван Семенович (1792-1848) – двоюродный брат А.И. Тургенева, майор, инвалид Отечественной войны 1812 г., инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12, 14

Ахматов Петр – подпоручик, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Баратаев (Бараташвили) Михаил Петрович (1784-1856) – князь, участник Отечественной войны 1812 г., симбирский губернский предводитель дворянства, поэт, нумизмат, основатель масонской ложи в Симбирске. 16, 17

Бахметев – генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Бекетов Андрей Иванович – гвардии поручик, помещик, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Белинский Виссарион Григорьевич (1811-1848) – великий критик. 69

Беляков Афанасий Петрович – штабс-ротмистр, помещик, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Бенардаки Дмитрий Егорович (1799-1870) – поручик, предприниматель-миллионер, создатель судостроительного завода в Сормово, прототип Костанжогло в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. 12

Бестужев Андрей Васильевич (1780-1840) – коллежский советник, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Бестужев Петр Александрович (1790-е – 1862) – штабс-ротмистр, муж сестры Н.М. Языкова, участник подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 11

Блохинцев Александр Николаевич (1912-1994) – участник Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., почетный гражданин Ульяновской области, автор статей и очерков на краеведческие темы. 76

Блудов Дмитрий Николаевич (1785-1864) – один из учредителей литературного общества «Арзамас», издатель 12-го тома карамзинской «Истории государства Российского», министр внутренних дел, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12, 13, 16, 17, 18, 26, 35, 37

Булдаков Николай Михайлович (1802-1849) – симбирский губернатор, участник открытия 22-23 августа 1845 года памятника Н.М. Карамзину. 39, 43, 45

Бобоедов Владимир Васильевич – коллежский асессор, симбирский советский судья, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Брюллов Карл Павлович (1799-1852) – знаменитый живописец, друг С.И. Гальберга. 28, 29, 30, 31

Валуев Александр Дмитриевич (1780-е – 1840-е) – капитан-лейтенант, ветеран Отечественной войны 1812 г., муж сестры Н.М. Языкова, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 11, 54

Варнек Александр Григорьевич (1782-1843) – академик живописи, автор портрета Н.М. Карамзина. 33

Веневитинов Алексей Владимирович (1806-1872) – сенатор, четвероюродный брат А.С. Пушкина, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Вигель Филипп Филиппович (1786-1856) – чиновник, автор мемуарных «Записок», участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Виельгорский Матвей Юрьевич (1794-1866) – граф, виолончелист, основатель Русского музыкального общества, близкий знакомый А.С. Пушкина, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Виельгорский Михаил Юрьевич (1788-1856) – граф, композитор, близкий знакомый А.С. Пушкина, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Вяземский Петр Андреевич (1792-1878) – князь, поэт и литературный критик, друг А.С. Пушкина, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13, 55, 83

Гальберг Самуил Иванович (1787-1839) – профессор скульптуры, автор памятников Н.М. Карамзину,

Г.Р. Державину и др. 8, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 32, 34, 35, 36, 66, 79, 80

Гоголь Николай Васильевич (1809-1852) – великий писатель, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 38, 70

Голубков Николай Васильевич (1844-1900-е) – механик-самоучка, владелец чугунолитейного завода, изготовитель чугунной ограды вокруг Карамзинского сквера. 64

Гончаров Иван Александрович (1812-1891) – великий русский писатель. 17

Городецкий Павел Петрович – майор, ветеран Отечественной войны 1812 г., инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Давыдов Дмитрий Александрович (1796-1851) – член Союза благоденствия, коллежский советник, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Дегай Павел Иванович (1792-1849) – писатель, сенатор, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Державин Гавриил Романович (1743-1816) – выдающийся поэт и государственный деятель. Памятник Г.Р. Державину в Казани сооружен по проекту С.И. Гальберга и А.А. Тона. 15, 24, 25, 31, 55, 66

Дмитриев Иван Иванович (1760-1837) – поэт, баснописец, министр юстиции (1810-1814), участник подписки 14 июля 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину, своему родственнику и другу. 13, 15, 44, 52

Дмитриев Михаил Александрович (1796-1866) – поэт, критик, мемуарист, племянник И.И. Дмитриева. 44, 45, 61

Жиркевич Иван Семенович (1789-1848) – симбирский губернатор, организатор сбора средств на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 17

Жуковский Василий Андреевич (1783-1852) – выдающийся поэт, друг семьи Карамзиных. 24, 55, 77

Загряжский Александр Михайлович (1796-1883) – симбирский губернатор, ветеран Отечественной войны 1812 г., дальний родственник жены А.С. Пушкина, председатель симбирского комитета по проведению сбора средств на сооружение памятника Н.М. Карамзину, знакомый И.А. Гончарова по Симбирску. 10, 15, 16, 17

Иванов Антон Андреевич (1815-1848) – талантливый скульптор, ученик профессора С.И. Гальберга по Академии художеств, один из создателей памятника Н.М. Карамзину в Симбирске. 8, 29, 30, 31, 32, 33

Ивашев Василий Петрович (1797-1840) – поручик, декабрист. 13

Ивашев Петр Никифорович (1767-1838) – генерал-майор, начальник штаба А.В. Суворова, ветеран Отечественной войны 1812 г., отец декабриста В.П. Ивашева, инициатор подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 11, 13, 17

Карамзин Александр Николаевич (1815-1888) – сын Н.М. Карамзина, юрист, участвовал 22-23 августа 1845 г. в открытии памятника отцу в Симбирске. 45, 54, 55

Карамзин Андрей Николаевич (1814-1854) – сын Н.М. Карамзина, юрист, участвовал 22-23 августа 1845 г. в открытии памятника отцу в Симбирске. 45, 54, 55

Карамзин Василий Михайлович (1751-1827) – отставной прокурор, старший брат историографа. 57

Карамзин Владимир Николаевич (1819-1879) – сын Н.М. Карамзина, сенатор, почетный член комитета Карамзинской общественной библиотеки; на пожертвованные им 125 тысяч рублей симбирское земство создало психоневрологическую больницу. 55

Карамзина Аврора Карловна (1808-1902) – вдова Андрея Карамзина, изготовившая на нижнетагильском заводе металлическую ограду для обнесения памятника Н.М. Карамзину. 55, 63

Карамзина Екатерина Андреевна (1780-1851) – жена Н.М. Карамзина. 55

Киндяков Александр Львович (1805-1884) – майор кавалерии, владелец сельца Киндяковка, земский деятель, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 53

Киндяков Лев Васильевич (1770-1860-е) – майор артиллерии, знакомый М.Ю. Лермонтова, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Климченко Константин Михайлович (1816-1849) – талантливый скульптор, ученик С.И. Гальберга, один из создателей памятника Н.М. Карамзину в Симбирске. 8, 29, 30, 33, 81

Клодт Петр Карлович (1805-1867) – барон, выдающийся скульптор и модельер. Отлил статую Клио, бюст Н.М. Карамзина и барельефы для симбирского памятника историографу. 34, 36

Колюбакин Сергей Иванович – титулярный советник, дворянский депутат Самарского уезда Симбирской губернии, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Комовский Василий Дмитриевич (1803-1851) – историк, переводчик, знакомый братьев Языковых. 10

Крылов Александр Алексеевич (1785-1841) – полковник, герой Бородинского сражения, управляющий Симбирской удельной конторой, дед академика-кораблестроителя А.Н. Крылова, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Кутайсов Павел Иванович (1780-1840) – граф, председатель Общества поощрения художников, сенатор, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Кушников Сергей Сергеевич (1765-1839) – адъютант А.В. Суворова, ветеран Отечественной войны 1812 г.,

сенатор, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину, своему дяде. 13

Леонтьев Николай Александрович – надворный советник, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Лизогуб Иван Николаевич (1800-е – 1840-е) – губернский архитектор, автор проектов Гостиного двора в Симбирске, корпуса городской больницы, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину и автор проекта Карамзинской общественной библиотеки. 14

Любимов Николай Андреевич – архитектор, автор планировки Карамзинского сквера и рисунков для чугунной ограды вокруг сквера. 13

Люцереде Карл Август (1794-1864) – барон, посланник Саксонии в Петербурге, писатель и переводчик, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Мартос Иван Петрович (1750-1835) – знаменитый скульптор, ректор Академии художеств, автор памятника Минину и Пожарскому на Красной площади, наставник С.И. Гальберга. 21, 22, 24

Мотовилов Петр – действительный студент, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Мясин Николай Иванович – архитектор, производивший в 1944 г. реставрацию пьедестала памятника Н.М. Карамзину. 67

Насакин Николай – капитан-лейтенант, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Нейков Гавриил Иванович – капитан-лейтенант, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Николай I Павлович (1796-1855) – император России 1825-1855 гг. 12, 19, 20, 69, 76

Норов Авраам Сергеевич (1795-1869) – ветеран Отечественной войны 1812 г., писатель, переводчик, министр просвещения, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Ознобишин Дмитрий Петрович (1804-1877) – поэт, переводчик и издатель, автор стихотворения, посвященного открытию памятника Н.М. Карамзину в Симбирске 22-23 августа 1845 г. 5, 8, 45, 47

Оленин Алексей Николаевич (1764-1843) – президент Академии художеств, поклонник творчества С.И. Гальберга. 23, 30, 31

Пазухин Петр Сергеевич (1788-1852) – губернский контролер, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Плетнев Петр Александрович (1792-1865) – поэт и критик, профессор и ректор Петербургского университета, друг А.С. Пушкина и издатель его сочинений, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Погодин Михаил Петрович (1800-1875) – историк, писатель, академик, автор «Исторического похвального слова Карамзину», прочитанного в Симбирске на торжествах открытия памятника Н.М. Карамзину 22-23 августа 1845 г. 7, 43, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 54, 57, 61

Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837) – величайший поэт России, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13, 15, 23, 24, 52, 55, 56, 83, 84

Рамазанов Николай Александрович (1818-1867) – талантливый скульптор, ученик С.И. Гальберга по Академии художеств, знакомый Н.В. Гоголя и А.Н. Островского, один из создателей памятника Н.М. Карамзину в Симбирске. 8, 29, 33, 81

Родионов Петр Иванович (1803-1841) – предводитель дворянства Карсунского уезда, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Рютчи Иван Петрович (1795 – 1860-е) – помещик Карсунского уезда, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Садовников Дмитрий Николаевич (1847-1883) – поэт, этнограф, литературный критик. 7

Соковнин Николай Петрович (1792-1860-е) – штабс-капитан, уездный предводитель дворянства, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Ставассер Петр Андреевич (1816-1850) – 8, 29, 31, 32, 33

Столыпин Александр Алексеевич (1774-1846) – секунд-майор, адъютант А.В. Суворова, двоюродный дед М.Ю. Лермонтова, почетный попечитель симбирской мужской гимназии. 12

Сытин Сергей Львович (1925-2001) – кандидат исторических наук, краевед, почетный гражданин Ульяновска. 68

Татаринов Александр Ильич (1785-1840-е) – председатель симбирской гражданской палаты, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Татаринов Александр Николаевич (1810-1861) – товарищ Н.М. Языкова по Дерптскому университету, родственник симбирских Тургеневых, видный либеральный деятель проведения реформы 1861 г., инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Татаринов Николай Ильич (1787-1840-е) – губернский лесничий, ветеран Отечественной войны 1812 г., инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Толстой Григорий Михайлович (1808-1871) – троюродный брат декабриста В.П. Ивашева, знакомый К. Маркса и Ф. Энгельса, Н.В. Гоголя и братьев Языковых, Н.А. Некрасова, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 11

Тон Александр Андреевич (1790-1858) – выдающийся скульптор, автор пьедестала памятника Н.М. Карамзину в Симбирске. 16, 25, 35, 66

Тузелев Петр – коллежский советник, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Тургенев Александр Иванович (1784-1845) – общественный деятель, археограф и литератор, близкий знакомый А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина. 12, 52, 53

Уваров Сергей Сергеевич (1786-1855) – президент Академии наук, министр просвещения, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Ульянов (Ленин) Владимир Ильич (1870-1924) – выпускник Симбирской классической гимназии, основатель и вождь Коммунистической партии, глава первого правительства Советской России. 6, 65

Ульянова-Елизарова Анна Ильинична (1864-1935) – сестра В.И. Ульянова, автор воспоминаний о жизни семьи Ульяновых в Симбирске. 65

Феодотий – архиепископ Симбирский и Сызранский, участник торжеств, посвященных открытию памятника Н.М. Карамзину 22-23 августа 1845 г. 45

Хвостов Дмитрий Иванович (1756-1835) – граф, поэт, сенатор, знакомый А.С. Пушкина, участник обеда 14 июля 1833 г. в честь И.И. Дмитриева и подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 13

Хованский Юрий Сергеевич (1806-1868) – князь, помещик, муж сестры декабриста В.П. Ивашева, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 11, 45

Юрлов Александр Иванович (1793-1885) – ветеран Отечественной войны 1812 г., инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Юрлов Аполлон Иванович (1800-1840-е) – владелец известного особняка на Покровской улице Симбирска, помещик, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 12

Юрлов Петр Иванович (1793-1869) – ветеран Отечественной войны 1812 г., губернский предводитель дворянства, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину. 39, 43

Языков Александр Михайлович (1799-1874) – брат поэта, знакомый А.С. Пушкина, либеральный общественный деятель, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину, почетный член Карамзинской общественной библиотеки. 43, 61

Языков Николай Михайлович (1803-1846) – выдающийся поэт-лирик, друг А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, инициатор проведения подписки 1833 г. на сооружение памятника Н.М. Карамзину, один из основателей Карамзинской общественной библиотеки. 8, 10, 43, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63

Языков Петр Михайлович (1798-1851) – старший брат поэта, выдающийся геолог и горный инженер, этнограф и фольклорист, знакомый А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, секретарь комитета по проведению подписки на сооружение памятника Н.М. Карамзину и первый председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки. 11, 27, 43, 44, 61

Яковлев Анатолий Иванович – корнет-миллионер, пожертвовавший 2000 рублей на памятник Н.М. Карамзину в Симбирске. 13

ПУБЛИКАЦИИ Ж. ТРОФИМОВА
О Н.М. КАРАМЗИНЕ И СИМБИРСКОМ
ПАМЯТНИКЕ ИСТОРИОГРАФУ

1. Вопреки благородным побуждениям. К истории увековечения памяти Н.М. Карамзина в Симбирске. Ульяновская правда, 1984, 19 августа.
2. О памятнике Карамзину. Известное и неизвестное. Ульяновская правда, 1990, 20, 23, 26, 30 сентября. 4, 7, 16 октября.
3. Симбирский памятник Н.М. Карамзину. Известное и неизвестное. М.: «Россия молодая», 1992, 39 с., илл.
4. Симбирская Карамзинская библиотека. Исторический очерк. М.: «Россия молодая», 1992, 47 с., илл.
5. О месте рождения Н.М. Карамзина. Ульяновская правда, 1994, 24, 31 мая.
6. Дом Карамзина. Ульяновская правда, 1994, 8 июня.
7. Карамзину, историку государства Российского. Памятники Отечества. М., 1995, № 34 (3-4), с. 150-156.
8. О памятнике Карамзину. Ульяновская правда, 1996, 19 сентября.
9. Карамзину, историку государства Российского. Памятники Отечества. М., 1998, вып. 41, ч. 1, с. 10-20.
10. Карамзин и родной край. Апрель жизни. Ульяновская правда, 1998, 23 мая.
11. К истории памятника Карамзину. 1998, 4 июня.
12. Н.М. Карамзин и родной край. Зрелость и мастерство. Ульяновская правда. 1998, 25 июля.
13. Н.М. Языков и Н.М. Карамзин. Ульяновская правда, 2001, 15, 22 декабря. 2002, 5 января.
14. Под знаком Карамзинского юбилея. – В книге «Жил и умер джентльменом-поэтом». Ульяновск, 2005, с.117-130.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Глава 1. «Желая ознаменовать и увековечить...»	9
Глава 2. Скульптор Гальберг	21
Глава 3. Воплощая замысел наставника	29
Глава 4. России дар – в хвалу Карамзина	42
Глава 5. Языковский венок Карамзину	57
Глава 6. Великолепному памятнику – стоять века!	66
Приложение	110
Указатель некоторых имен, встречающихся в тексте	116

ТРОФИМОВ

Жорес Александрович

СИМБИРСКИЙ ПАМЯТНИК

Н.М. КАРАМЗИНУ

Известное и неизвестное

Книга издана в авторской редакции

Дизайн обложки Л.С. Шестакова

Верстка: А.Б. Кузина

Технический редактор И.Ю. Горбунова

Корректоры Н.В. Алексеева, С.А. Тынарахтына

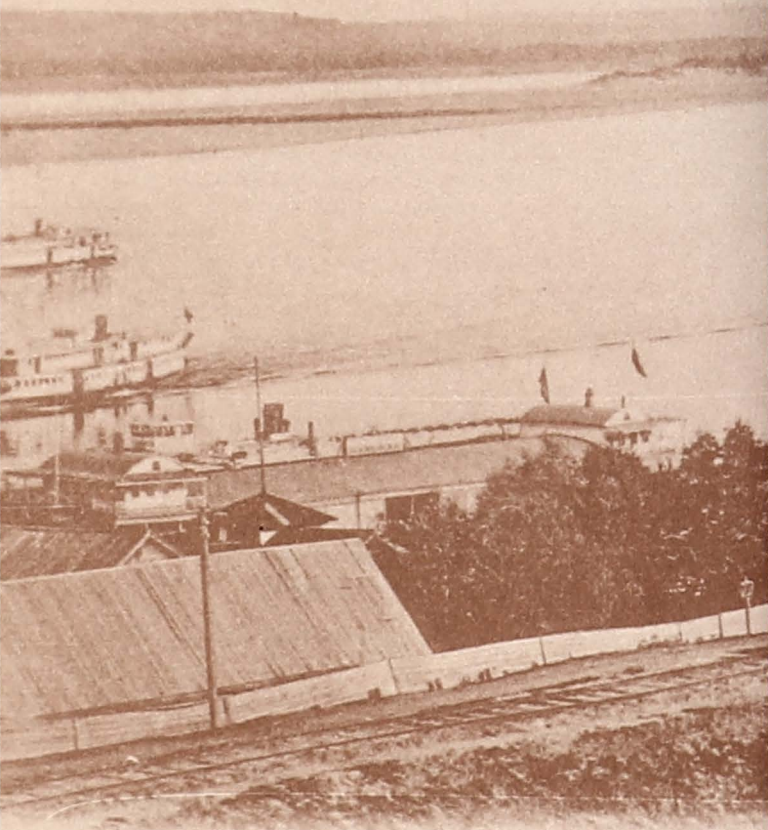
Сдано в набор 24.10.2006. Подписано в печать 28.11.2006

Формат 110x162 1/32. Бумага офсетная № 1

Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,6

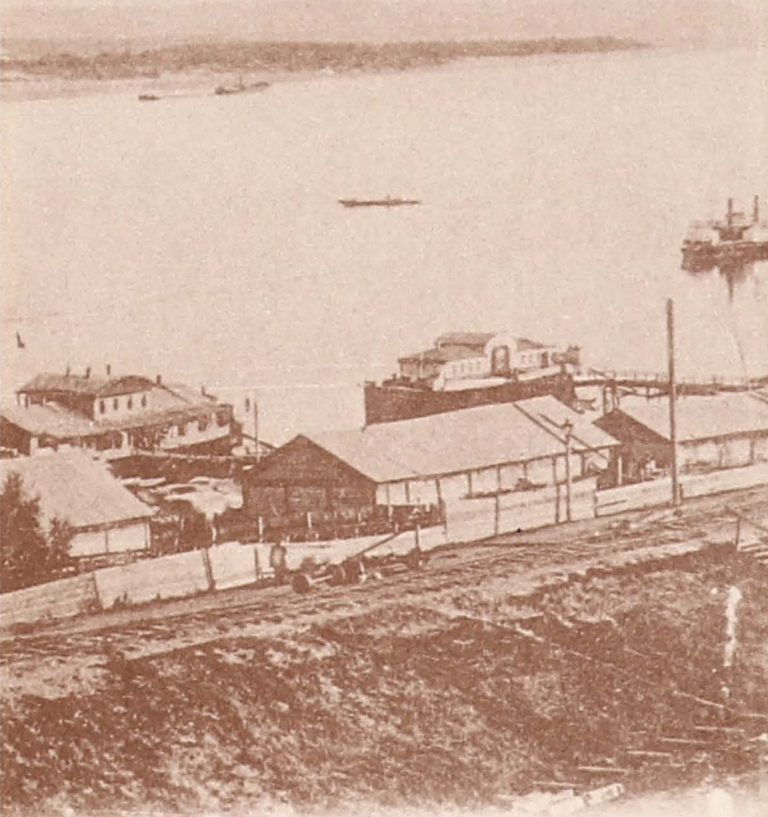
Тираж 1000 экз. Заказ № 5707. Цена договорная

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Симбирскъ

nr 2010
nr 2019 СК
30=

Видъ на Волгѣ — Vue sur le Volga

